

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Т. 21, № 2

Vol. 21, no. 2

16+

2023

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Главный редактор – академик РАО, д. биол. наук, профессор Ермаков П. Н.
(ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. наук, профессор Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Асмолов А. Г.
(МГУ, Москва)
д. пс. наук, профессор Аллахвердов В. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Бондырева С. К.
(МПСУ, Москва)
д. пс. наук, профессор Знаков В. В. (МГУ, Москва)
член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А. В.
(ЯрГУ, Ярославль)
академик РАО, д. пед. наук, профессор Малюфеев Н. Н.
(ИКП РАО, Москва)

д. пс. наук, профессор Марьин М. И. (МГППУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Рубцов В. В.
(МГППУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Реан А. А.
(Высшая школа экономики, Москва)
д. пс. наук, профессор Рыбников В. Ю.
(ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург)
д. пс. наук, профессор Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва)
д. пс. наук, профессор Черноризов А. М. (МГУ, Москва)
академик РАО, д. пс. наук, профессор Шадриков В. Д.
(ЯрГУ, Ярославль)

Редакционная коллегия

член-корр. РАО, д. пс. наук, Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)
д. биол. наук, Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
д. пс. наук, Белоусова А. К. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)
д. пс. наук, Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)
д. пс. наук, Джанерьян С. Т. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
канд. пс. наук, Дикая Л. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
д. пс. наук, Кагермазова Л. Ц. (КБГУ, Нальчик)

д. пс. наук, Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
д.пс.наук, Осипова А.А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
д. пс. наук, Рюмшина Л. И. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
д. пс. наук, Сидоренков А. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)
д. пед. наук, Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону)
д. пс. наук, Щербакова Т. Н. (ГБУ ДПО РО РИПК и ППРО, Ростов-на-Дону)

Ответственный секретарь – Ребенко В. В.
Технический редактор – Проненко Е. А.

Адрес редакции:	Адрес издателя (ООО КРЕДО):	Адрес типографии:
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140, ком. 114 E-mail: psyvestnc@gmail.com	129366, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13 Тел./факс: (495) 283-55-30 E-mail: izd.kredo@gmail.com	344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Металлур- гическая 102/2, корпус «ИЛК», офис 305, E-mail: k@os-pr.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 25 сентября 2009 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФЦ77-37683

Подписано в печать: 20.06.2023
Дата выхода в свет: 30.06.2023
Формат 62х94/16.

Печать цифровая.
Тираж 100 экз.
Цена свободная. 16+

СОДЕРЖАНИЕ

Общая психология, психология личности

Валерия В. Ребенок

Изучение Эго-состояний по Э. Берну: вербальные и невербальные проявления в процессе взаимодействия.....5

Алина С. Рощупка

Взаимосвязь архетипа индивида с восприятием образа его будущего...17

Специальная психология

Владислав М. Андрусенко, Екатерина А. Попова, Татьяна О. Римская

Использование альтернативных средств коммуникации с помощью предметного PECS в рамках обучения детей с ДЦП с применением основ Аба-терапии27

Педагогическая психология

Нина В. Смирнова

Предельные смыслы студентов-психологов: их связь с академической мотивацией.....37

Юридическая психология

Екатерина А. Степанюк

Психологические особенности несовершеннолетних преступников: возможности психологической диагностики.....45

Социальная психология

Дарья В. Вашумирская

Роль социальной активности студентов в рамках университетской жизни.....60

Contents

General psychology, personality psychology

Valeria V. Rebenok
The Research of Ego States by E. Bern, their Verbal and Nonverbal Manifestations in the Process of Interaction..... 5

Alina S. Roshchupka
The Correlation of the Archetype of the Individual with the Perception of his Image of the Future.....17

Special psychology

Vladislav M. Andrusenko, Ekaterina A. Popova, Tatiana O. Rimskaya
The use of Alternative Means of Communication Using Subject PECS in the Framework of Teaching Children with Cerebral Palsy Using the Basics of ABA Therapy.....27

Pedagogical psychology

Nina V. Smirnova
Ultimate Meanings of Psychology Students: Connection with Academic Motivation.....37

Law psychology

Ekaterina A. Stepanyuk
Psychological Characteristics of Juvenile Delinquents: Possibilities of Psychological Diagnostics.....45

Social Psychology

Daria V. Vashumirskaya
The Role of Social Activity of Students in the Framework of University Life..60

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.1>

Изучение Эго-состояний по Э. Берну: вербальные и невербальные проявления в процессе взаимодействия

Валерия В. Ребенок^{1*}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: rebenok@sfedu.ru

Аннотация

Данное исследование посвящено изучению взаимодействия с точки зрения структурного и транзакционного анализа Э. Берна, а также анализу и выявлению вербальных и невербальных проявлений каждого Эго-состояния в процессе взаимодействия. Во **Введении** автором приводится актуальность и значимость данной работы. Выявляется степень разработанности исследуемого вопроса и необходимость изучения избранной автором проблемы. Также поставлены цель и гипотезы, предлагаются возможности практического применения результатов проведённого исследования. Новизна исследования заключается в том, что впервые применены методы «наблюдение» и «эксперимент» с целью выявления вербальных и невербальных признаков, указывающих на определённое Эго-состояние. В **Методах** автор приводит методики, применённые в данной работе, описание выборки, а также ход проведения сбора данных респондентов. В разделе **«Результаты»** отображены итоги, полученные в ходе анализа проведённого исследования. Наиболее преобладающими у студентов-психологов являются Эго-состояния «Взрослый», «Ребёнок Свободный» и «Родитель Заботливый». Выявлена обратная корреляция между доминирующим Эго-состоянием «Взрослый» и высоким уровнем инфантилизма личности. Выявлены особенности вербального и невербального поведения респондентов, находящихся в различных Эго-состояниях, а также реакции респондентов на неожиданную ситуацию, предполагающую вхождение в определённое Эго-состояние. В **Обсуждении результатов** автором приводится объяснение итогов проведённого исследования, производится сравнение результатов исследования других авторов, изучающих Эго-состояния в контексте структурного и транзакционного анализа Э. Берна. В разделе «Заключение» обозначены основные выводы, полученные в результате проведения данной работы, возможности и пути дальнейшего изучения актуальной в статье проблемы.

Ключевые слова

Эго-состояния, взаимодействие, транзакционный анализ Берна, вербальные проявления, невербальные проявления, структурный анализ

Для цитирования

Ребенко, В. В. (2023). Изучение Эго-состояний по Э. Берну: вербальные и невербальные проявления в процессе взаимодействия. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(2), 5-16, <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.1>

The Research of Ego States by E. Bern, their Verbal and Nonverbal Manifestations in the Process of Interaction

Valeria V. Rebenok^{1*}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* E-mail: rebenok@sfedu.ru

Abstract

This research is devoted to the study of interaction from the point of view of E. Berne's structural and transactional analysis, as well as the analysis and identification of verbal and nonverbal manifestations of each Ego state in the process of interaction. In the **Introduction** the author gives the relevance and significance of this work. The degree of elaboration of the issue under study and the need to study the problem chosen by the author are revealed. The purpose and hypotheses are also set, the possibilities of practical application of the results of the conducted research are offered. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the methods of "observation" and "experiment" were applied in order to identify verbal and nonverbal signs indicating a certain Ego state. In the **Methods** the author gives the methods used in this work, a description of the sample, as well as the progress of the data collection of respondents. The **«Results»** section displays the results obtained during the analysis of the conducted research. The most predominant among psychology students are the Ego states of "Adult", "Free Child" and "Caring Parent". An inverse correlation was revealed between the dominant Ego state of "Adult" and a high level of infantilism of the individual. The features of verbal and nonverbal behavior of respondents in various Ego states, as well as the respondents' reactions to an unexpected situation involving entering a certain Ego state, are revealed. In the **«Discussion»**, the author provides an explanation of the results of the study, compares the results of the research of other authors studying Ego states in the context of E. Bern's structural and transactional analysis. The section **«Conclusion»** outlines the main conclusions obtained as a result of

this work, the possibilities and ways of further study of the problem relevant in the article.

Keywords

Ego-states, interaction, Berne's transactional analysis, verbal manifestations, nonverbal manifestations, structural analysis

For citation

Rebenok V. V. (2023). The Research of Ego States by E. Bern, their Verbal and Nonverbal Manifestations in the Process of Interaction. North-Caucasian Psychological Bulletin, 21(2), 5-16. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.1>

Введение

Межличностное взаимодействие является основой социальной жизни индивида. Взаимоотношения, в которые вступает человек, оказывают влияние на различные сферы деятельности личности, его духовное развитие, социальную реализацию и общую удовлетворённость жизнью (Халитова, 2022), а они, в свою очередь влияя на дальнейшие взаимодействия, в том числе на выбор романтического партнера (Ребенок, 2022).

Однако не все межличностные отношения позитивно сказываются на эмоциональном фоне человека и способствуют развитию его личности. Иной раз, вступая во взаимодействия и взаимоотношения с определённым человеком, индивид может испытывать эмоциональный дискомфорт и страдания. Также они могут препятствовать личностной реализации и быть конфликтными (Бессонова и Кукуляр, 2021).

Часто причиной возникновения конфликтов при межличностном общении являются пересекающиеся транзакции по Эрику Берну (Берн, 2006). В этом случае человек посылает собеседнику стимул к определённому Эго-состоянию, например, от своего Эго-состояния «Родитель» к Эго-состоянию «Ребёнок», а получает неожиданную для него реакцию собеседника, находящегося в Эго-состоянии «Взрослый» или «Родитель». Такое несовпадение ожидания вызывает неудовлетворение, приводит к конфликтному взаимодействию или вообще к прекращению взаимодействия (Берн, 2006).

Для того, чтобы предотвращать деструктивные межличностные отношения, необходимо осознавать процесс взаимодействия с точки зрения транзакционного и структурного анализа Эрика Берна, а также знать конкретные вербальные и невербальные признаки, указывающие на нахождение человека в определённом Эго-состоянии. Однако ещё не было проведено эмпирических исследований, выявляющих вербальные и невербальные характеристики каждого Эго-состояния.

Данная информация может быть полезной психологам-консультантам или психотерапевтам с целью помочь личности проанализировать ситуацию социального взаимодействия и выйти из деструктивного сценария. Использоваться при анализе конфликтов, для установления источника недопониманий и разногласий при взаимодействии членов семьи и выявления причин возникновения конфликтного поведения в семье. А также организационным психологам для оценки отношений и взаимодействия между коллегами или сотрудником и руководителем на предприятии. В исследовании, проведённом Shirai S., также говорится о том, что использование эгограммы и «анализа жизненного сценария» оказалось полезным для понимания моделей поведения (поведенческих паттернов) неизлечимо больных пациентов

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

(Shirai, 2006).

На данный момент ещё не было проведено эмпирического исследования, фиксирующего и выявляющего конкретные вербальные и невербальные проявления Эго-состояний в их непосредственном выражении, с использованием методов «наблюдение» и «эксперимент», а также проведением анализа отснятого материала. По этим причинам проведение данного исследования является актуальным.

Автором обнаружено некоторое количество теоретических статей, посвящённых транзакционному анализу Эрика Берна, изложению сути «игр» и описанию Эго-состояний личности (Куракина, 2017; Саватеев и Саватеева, 2018; Малышев и Малышева, 2019 и др.). Изучением Эго-состояний различных групп респондентов и выявлением преобладающих Эго-состояний в определённых группах занимались: А. Ю. Попов (2011), Е. А. Левина (2019) и др. в своих эмпирических исследованиях. В. Е. Ионова проводила эмпирическое исследование, посвящённое влиянию Эго-состояния супругов на выбор супругами функциональных семейных ролей в молодой семье (Ионова, 2015). D. Ciucur (2013) выявил положительные и отрицательные связи между доминирующими Эго-состояниями человека и некоторыми его личностными особенностями при помощи опросника Большой пятёрки (BFI) Оливера Джона и Кристофера Сото. Так, результаты показали положительные корреляции между Эго-состоянием «Адаптированный Ребёнок» и Осознанностью, а также между «Естественным Ребёнком» и Экстраверсией. Отрицательные корреляции между: Эго-состоянием «Критический Родитель» и Сговорчивостью, «Адаптированным Ребенком» и Эмоциональной стабильностью, «Естественным Ребёнком» и Доброжелательностью. При этом автором не обнаружено иных исследований, посвящённых связи доминирующих Эго-состояний с личностными характеристиками человека (Ребенок, 2023).

Исследователями не проводилось детального анализа взаимодействия собеседников с точки зрения транзакционного анализа Э. Берна и особенностей вербального и невербального общения и поведения людей, находящихся в различных Эго-состояниях.

В связи с этим, автором была поставлена цель исследования: проанализировать вербальные и невербальные проявления при вхождении в различные Эго-состояния в процессе коммуникации.

Были определены гипотезы исследования:

1) При нахождении в определённом Эго-состоянии человек использует конкретные интонации, жесты, мимику, фразы, указывающие на данное Эго-состояние, транслирующие его собеседнику;

2). Человек, у которого преобладает Эго-состояние «Ребёнок», обладает повышенным уровнем инфантилизма

Объектом исследования выступают Эго-состояния партнёров по общению.

Предмет исследования: вербальные и невербальные признаки нахождения человека в определённом Эго-состоянии.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые применены методы «наблюдение» и «эксперимент» с целью выявления вербальных и невербальных признаков, указывающих на определённое Эго-состояние. Обнаружена обратная связь между Эго-состоянием «Взрослый» по опроснику функциональных Эго-состояний и инфантилизмом личности по опроснику «Уровень выраженности инфантилизма».

Методы

При проведении данного исследования автором были использованы методы: метод теоретического анализа научной литературы, опрос, наблюдение, эксперимент, анализ отснятого материала, математический анализ данных.

С целью определить доминирующие Эго-состояния респондентов и выявить их уровень инфантилизма автором были использованы две методики:

1) Методика «Уровень выраженности инфантилизма» (А. А. Серегина, 2004) – позволяет оценить общий уровень инфантилизма личности и провести анализ его структурных компонентов (по шкалам опросника). Данный опросник содержит в себе одну основную шкалу, показывающую общий уровень инфантилизма личности, а также 8 подшкал, обозначающих характеристики, а каждой из которой отражается та или иная степень выраженности инфантилизма.

2) Опросник функциональных эго-состояний (Джули Хэй (1996) в адаптации В. Е. Гусаковского) предназначен для определения преобладающего Эго-состояния в повседневной жизни. В результате прохождения данного опросника выявляется соотношение выраженности у личности каждого из Эго-состояний: «Родитель Контролирующий», «Родитель Заботливый», «Взрослый», «Ребёнок Свободный», «Ребёнок Адаптивный».

Применение данных методик обосновано их доступностью, валидностью и надёжностью, понятностью и лёгкостью прохождения для респондентов, прохождение опросников предполагает выбрать 1 из 4 вариантов ответа.

Помимо этого, было проведено наблюдение за респондентами с фиксацией данных для последующего анализа при помощи видеосъёмки.

Выборка. Респондентами данного исследования стали студенты факультета психологии Южного федерального университета в возрасте от 17 до 32 лет. Всего опросники прошло 58 человек, из них 46 человек (23 пары) приняли участие в эксперименте – в выполнении заданий для проведения наблюдения и анализа отснятого материала.

В силу предполагаемой универсальности проявления Эго-состояния у лиц как женского, так и мужского пола, а также ограничения количества респондентов мужского пола, гендерным соотношением респондентов автор решил пренебречь.

Описание сбора данных респондентов. Сбор данных для исследования проходил в 2 этапа. На первом этапе респонденты проходили опросники Функциональных эго-состояний и Уровня выраженности инфантилизма.

Второй этап имел цель проведения анализа взаимодействия респондентов с точки зрения теории Эрика Берна и определение проявления конкретных вербальных и невербальных признаков доминирующего Эго-состояния каждого респондента. Участникам необходимо было выполнять предложенные им задания в парах и прийти к их решению в процессе совместного общения, обсуждения, взаимодействия. Для фиксации данных и анализа результатов с согласия респондентов была проведена видеосъёмка данного процесса.

Выборка испытуемых, за которыми было осуществлено наблюдение, была разделена на 3 подгруппы. Анонимность участников была обеспечена использованием номеров. В каждой подгруппе респонденты были разделены на пары случайно, путём выбора ими карточек с номерами.

В первой подгруппе (18 человек) респондентам нужно было путём совместного обсуждения и взаимодействия решить 3 логические задачи. Первые две – вербальные

логические задачи, а третья – задача, в которой из 6 спичек нужно было выложить 4 равносторонних треугольника. Перед выполнением 3 задачи экспериментатор, наблюдая поведение респондентов в паре, просил наиболее пассивного (как правило, находящегося в Эго-состоянии «Адаптирующийся Ребёнок») или саботирующего задание (т. е. проявляющего поведение «Свободный Ребёнок») участника занять более доминирующую позицию с целью пронаблюдать реакцию обоих участников.

Во второй подгруппе (12 человек) перед участниками на столе было выложено 6 предметов: консерва, бутылка воды, швейцарский нож, аптечка, спички, печенье Choco pie. И была дана инструкция: «Вы оказались на необитаемом острове. Перед вами на столе лежит 6 предметов, только 2 из которых вы можете взять с собой на необитаемый остров. Посредством обсуждения и взаимного принятия решения при взаимодействии вам нужно решить, какие это будут 2 предмета. Предметы можно трогать, брать, вертеть в руках, рассматривать, перекладывать». Вторым заданием аналогично было использовано задание со спичками.

В третьей подгруппе (16 человек) респондентам было предложено проиграть сценку по определённому сценарию с целью отследить поведение респондентов в экстремальной или фрустрирующей ситуации. В первом варианте сценки респонденты сделали заказ на большую сумму денег, но не имели возможности оплатить его, так как забыли дома кошелек и электронные карты. Во втором варианте они неожиданно вынуждены были заплатить крупный штраф за административное нарушение сотруднику полиции, также оказавшись без средств. Поведение респондентов в данных ситуациях аналогично было зафиксировано на видео.

Результаты

В ходе математического анализа данных и анализа отснятого видеоматериала автор исследования получил приведённые ниже результаты.

1) При анализе «Опросника функциональных эго-состояний» (Дж. Хэй, 1996, адаптация В. Е. Гусаковского) было получено следующее соотношение. Наиболее выраженным у большинства респондентов является Эго-состояние «Взрослый» – 32,76%. Далее идёт Эго-состояние «Ребёнок Свободный» – 29,31% и «Родитель Заботливый» – 22,41%. Наименее выраженным стали Эго-состояния «Родитель Контролирующий» и «Ребёнок Адаптированный» – по 12,07% (рис.1).

2) Корреляций между Эго-состоянием «Ребёнок» в качестве преобладающего и инфантилизмом личности не было обнаружено. Гипотеза о том, что человек, у которого преобладает Эго-состояние «Ребёнок», обладает повышенным уровнем инфантилизма, не подтверждена.

При этом стоит отметить, что среди респондентов были те, у которых повышенный уровень инфантилизма сочетался с проявлениями Эго-состояния «Ребёнок», что особенно ярко было выражено при участии данных респондентов во втором этапе сбора данных, наблюдаемо в их вербальных и невербальных проявлениях, зафиксированных при помощи видеосъёмки. Данный результат может быть объяснён недостаточным количеством респондентов для выявления корреляции, а значит, он требует дальнейшего изучения.

Рисунок 1.

Количественная выраженность каждого Эго-состояния по группе респондентов в %

3) Была выявлена обратная (отрицательная) связь между преобладающим Эго-состоянием «Взрослый» и общим уровнем инфантилизма личности. А также, в частности, обратная (отрицательная) связь между Эго-состоянием «Взрослый» и шкалами: «Эмоционально-волевая сфера» и «Неупорядоченность поведения» опросника «Уровня выраженности инфантилизма».

На взгляд автора, такой результат является вполне объяснимым. Согласно описанию Эрика Берна, Эго-состояние «Взрослый» требует осознанности и объективного анализа окружающей действительности. А значит, преобладание данного состояния, как правило, доступно «зрелой» личности.

4) При помощи анализа видеоматериала выявлены особенности вербального и невербального поведения респондентов, находящихся в различных Эго-состояниях.

Эго-состояние «Родитель» было выражено в следующих проявлениях:

- Респонденты стремились взять инициативу на себя при решении задачи, взять под контроль процесс решения и занять более доминирующую позицию.
- При решении логических задач респонденты в Эго-состоянии «Родитель» сразу забирали себе лежащий на парте листок и ручку, начинали сами писать решение задачи, или же активно обосновывали свою точку зрения при обсуждении.

При этом в Эго-состоянии «Заботливый Родитель» проявлялось: похлопывание по плечу, помощь напарнику в решении задачи, одобряющая улыбка, фразы типа: «Ты молодец!».

В состоянии «Контролирующий Родитель»: доказывание своей позиции, критика действий напарника, использование указательных фраз, фраз повелительного наклонения: «Да никак ты не сделаешь!», «Всё, делай квадрат и вот так, крест-накрест!», «Нет-нет-нет!», «Я знаю, а ты подумай!», «Смотри!» и т.п.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Выявленные общие невербальные признаки поведения человека в Эго-состоянии «Родитель» следующие: корпус повёрнут вперёд (нависают над заданием), стараются занять больше пространства на парте (более уверенная позиция), рука выставлена вперёд, указательный жест пальцем или ручкой напарнику, взгляд на напарника «снизу вверх» (убеждение в своей правоте через напарника).

Эго-состояние «Взрослый» проявилось в следующих признаках:

- Респонденты были поглощены исключительно процессом решения задачи, обсуждали пути нахождения ответа или выхода из сложной ситуации, не обращаясь к эмоциональным и личностным проявлениям своего напарника по задаче.
- Практически не вступали в эмоциональное взаимодействие с напарником, не пытались «научить» или «воспитать» его.
- Выражали автономию и самостоятельность при решении задачи и обсуждении. Выслушивали мнение напарника, дополняли его.

В отличие от респондентов в Эго-состоянии «Родитель», основной целью респондентов в Эго-состоянии «Взрослый» было прийти к нахождению объективно верного решения, а не воспитать партнёра, взять контроль над решением задачи или доказать свою позицию.

Общие невербальные признаки, выраженные у респондентов в Эго-состоянии «Взрослый»: спокойное, сосредоточенное или задумчивое выражение лица; взгляд направлен прямо в глаза напарнику или на реквизит при решении задачи; большая погружённость в себя или в задание, нежели на напарника.

Респонденты в Эго-состоянии «Свободный Ребёнок» выражали: несерьёзность в выполнении задания, были не напряжены, смеялись, улыбались партнёру, не сразу понимали инструкцию и переспрашивали её.

Испытуемые в состоянии «Адаптирующийся Ребёнок»: ориентировались на мнение более доминирующего партнёра (который, как правило, был в позиции «Родителя»), были пассивны при решении задачи.

Общие невербальные признаки респондентов в Эго-состоянии «Ребёнок»: более зажатая, неуверенная поза; руки сложены одна на другую (ученик за партой) или рука подпирает щеку; смотрят на партнёра «снизу вверх», взгляд часто ищет одобрения, подтверждения; улыбка, смех, смущение; кивки головой как согласие с мнением партнёра; преимущественно слушают партнёра и не сосредоточены на решении задачи.

5) Выявлена также реакция партнёров на просьбу более пассивного участника в паре (как правило, у него проявлено Эго-состояние «Ребёнок» или Эго-состояние «Взрослый» в паре респондентов) занять доминирующую роль на задании со спичками.

Напарники, находящиеся в Эго-состояниях «Взрослый-Взрослый», не проявляли выраженных эмоциональных реакций по поводу вынужденного принятия одним из них доминирующей роли. Они спокойно продолжали выполнение задания, партнёр, обозначенный в более пассивной роли, помогал другому при необходимости. Оба при этом они изначально находились в равной позиции.

Участники в Эго-состоянии «Родитель», в ответ на занятие напарником доминирующей позиции, выражали неудовольствие, испытывали внутреннее напряжение, нервничали, с трудом удерживали себя, пытались перенять доминирующую роль и самим выполнить задание, что было выражено в их вербальных и невербальных проявлениях (Проявлялся смех как защитная реакция; секундное выражение недо-

вольствия, обиды; закатывание глаз; одной рукой удерживали другую).

Участники, находящиеся в Эго-состоянии «Ребёнок» при необходимости принять активную роль на задании со спичками, реагировали либо растерянностью, либо общей оживлённостью. Как правило, со временем доминирующая позиция всё равно переходила респонденту в состоянии «Родитель».

Обсуждение результатов

На взгляд автора, результат, полученный по опроснику функциональных эго-состояний, можно объяснить спецификой получаемого респондентами высшего психологического образования. Изучение психологии требует большой осознанности, умения мыслить аналитически, объективно и непредвзято перерабатывать информацию, что, по Эрику Берну, присуще состоянию «Взрослого», это и стало преобладающим у большинства респондентов данной выборки. Преобладание состояния «Свободного Ребёнка» можно объяснить наличием внутренней свободы, проявлением творческой инициативы, умением непосредственно воспринимать информацию из окружающего мира у студентов, обучающихся на психологов. Эго-состояние «Родитель Заботливый» может быть проявлено в стремлении помогать людям как одного из мотивов выбора профессии «Психолог».

Автор предполагает, что, если бы выборку составляли студенты технических специальностей или студенты, обучающиеся на педагогов-предметников (например, учителя математики), соотношение преобладания каждого Эго-состояния по группе респондентов кардинально бы отличалось от результата, полученного в данном исследовании. Так, в эмпирической работе, проведённой Е. А. Левиной, было выявлено, что из 178 респондентов, относящихся к органам исполнительной власти города Москвы, Эго-состояние «Ребёнок» было присуще 62 людям (46 женщинам и 16 мужчинам), «Родитель» – 58 людям (34 женщинам и 24 мужчинам) и Эго-состояние «Взрослый» также преобладает у 58 респондентов, из них 19 женщин и 39 мужчин. (Левина, 2019).

Вероятно, доминирующие Эго-состояния у человека могут определяться и средой, в которую он погружён. Так, в исследовании F. A. Boholst, было выявлено, что Эго-состояния респондентов, являющихся участниками психотерапевтической группы, значительно изменились через 6 недель работы. Так, благодаря выработанным паттернам поведения, произошло увеличение Эго-состояний: «Родитель Заботливый», «Взрослый» и «Ребенок Естественный» и сокращение Эго-состояний: «Родитель Критикующий» и «Ребенок Адаптированный» (Boholst, 2003).

При сравнении данных респондентов по опросникам была получена обратная связь между высоким уровнем инфантилизма и доминирующим Эго-состоянием «Взрослый». Автором было обнаружено некоторое количество других исследований, посвящённых выявлению связи между Эго-состоянием и определённой чертой личности (Ребенок, 2023). Так, в исследовании В. Б. Токаревой была выявлена прямая (положительная) взаимосвязь между показателями интернальности в области достижения успеха и Эго-состоянием «Взрослый». То есть, чем выше у обучающихся принятие ответственности за свои достижения, тем сильнее выражено состояние «Я-Взрослый» (Токарева, 2022).

Важно отметить, что на втором этапе проведённого автором исследования, у участников в паре, транзакции которых были определены как пересекающиеся, возникали конфликты в процессе выполнения задания. Такой была, например, пара, в которой каждый респондент находился в состоянии «Родитель» и пытался

поставить своего собеседника в позицию «Ребёнок». Что подтверждается работой Т. Ю. Литвиненко. Так, по мнению автора статьи, нестабильным и приводящим к конфликту является взаимодействие, основанное на пересекающихся транзакциях (Литвиненко, 2019). В паре, в которой один из респондентов находился в состоянии «Родитель» и пытался поставить своего собеседника с позицию «Ребёнок», а его собеседник при этом находился в Эго-состоянии «Взрослого», вообще не происходило активного взаимодействия. Участники не могли найти точки соприкосновения, у них не шёл активный диалог, взаимодействие было очень редуцировано, и они так и не смогли выполнить задания на втором этапе. Как гласит правило коммуникации в контексте транзакционного анализа Э. Берна: «коммуникация обрывается при пересекающихся транзакциях» (Берн, 2006, с. 20).

Наиболее продуктивными были пары, взаимодействующие в прямых дополнительных транзакциях по типу: «Родитель» – «Ребёнок», «Взрослый» – «Взрослый». В целом, это подтверждает правило коммуникации из теории транзакционного анализа Э. Берна о том, что: «коммуникация протекает гладко, пока транзакции дополнительные» (Берн, 2006, с. 20).

Наиболее преобладающими Эго-состояниями у студентов-психологов являются: «Взрослый» – 32,76%, «Ребёнок Свободный» – 29,31% и «Родитель заботливый» – 22,41%.

Общие невербальные признаки поведения человека в Эго-состоянии «Родитель» следующие: корпус повернут вперёд (нависают над заданием), стараются занять больше пространства на парте (более уверенная позиция), рука выставлена вперёд, указательный жест пальцем или ручкой напарнику, взгляд на напарника «снизу вверх» (убеждение в своей правоте через напарника).

В Эго-состоянии «Заботливый Родитель» проявлялось: похлопывание по плечу, помощь напарнику в решении задачи, одобряющая улыбка, фразы типа: «Ты молодец!».

В состоянии «Контролирующий Родитель»: доказывание своей позиции, критика действий напарника, использование указательных фраз, фраз повелительного наклонения: «Да никак ты не сделаешь!», «Всё, делай квадрат и вот так, крест-накрест!», «Нет-нет-нет!», «Я знаю, а ты подумай!», «Смотри!» и т.п.

Общие невербальные признаки, выраженные у респондентов в Эго-состоянии «Взрослый»: спокойное, сосредоточенное или задумчивое выражение лица; взгляд направлен прямо в глаза напарнику или на реквизит при решении задачи; большая погружённость в себя или в задание, нежели на напарника. В отличие от респондентов в Эго-состоянии «Родитель», основной целью респондентов в Эго-состоянии «Взрослый» было прийти к нахождению объективно верного решения, а не воспитать партнёра, взять контроль над решением задачи или доказать свою позицию.

Общие невербальные признаки респондентов в Эго-состоянии «Ребёнок»: более зажата, неуверенная поза; руки сложены одна на другую (ученик за партой) или рука подпирает щёку; смотрят на партнёра «снизу вверх», взгляд часто ищет одобрения, подтверждения; улыбка, смех, смущение; кивки головой как согласие с мнением партнёра; преимущественно слушают партнёра и несосредоточены на решении задачи.

Респонденты в Эго-состоянии «Свободный Ребёнок» выражали: несерьёзность в выполнении задания, были рассосредоточены, смеялись, улыбались партнёру, не сразу понимали инструкцию и переспрашивали её.

Испытуемые в состоянии «Адаптирующийся Ребёнок»: ориентировались на мнение более доминирующего партнёра (который, как правило, был в позиции «Родителя»), были пассивны при решении задачи.

Заключение

Поскольку гипотеза о том, что человек, у которого преобладает Эго-состояние «Ребёнок», обладает повышенным уровнем инфантилизма, не подтверждена, но среди респондентов были те, у которых повышенный уровень инфантилизма сочетался с проявлениями Эго-состояния «Ребёнок», что особенно ярко было наблюдаемо в их вербальных и невербальных проявлениях, можно говорить о том, что данный вопрос нуждается в проведении дальнейших исследований. Полученный автором результат может быть объяснён недостаточным количеством респондентов для выявления корреляции, а значит, при наличии достаточной группы респондентов в репрезентативной выборке, итоговые данные могут быть иными.

Автор данного исследования видит возможности для дальнейшего изучения данной проблемы и развития исследований в области изучения Эго-состояний в контексте структурного и транзакционного анализа Э. Берна. Так, может быть проведено сравнение соотношения доминирующих Эго-состояний у различных групп респондентов (в зависимости от их возраста, статуса, национальности (культуры), наличия деструктивности в семье, профессиональной направленности и др.). Также дальнейшего, более глубокого исследования, требует изучение непосредственного взаимодействия людей с точки зрения транзакционного анализа с использованием методов «эксперимент» и «наблюдение», таких важных, но довольно редко используемых психологами в эмпирических работах.

Литература

- Берн, Э. (2006). *Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры*. Минск: Современный литератор.
- Бессонова, Н. Н., Кукуляр А. М. (2021). Исследование психологических особенностей конфликтного поведения у супругов, как результата кризиса семейных отношений. *Мир науки. Педагогика и психология*, 9(6).
- Ионова, В. Е. (2015). «Эго-состояние» супругов как фактор формирования ролевой структуры в молодой семье. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология*, 2(18), 24–33.
- Куракина, М. А. (2017). Актуальность понимания эго-состояний в деловом общении. *Вестник Национального института бизнеса*, 27, 101–104.
- Левина, Е. А. (2019). Конфликтные переговоры по Эрику Берну на примере органов исполнительной власти города Москвы. *Научный вестник Крыма*, 5(23).
- Литвиненко, Т. Ю. (2019). Транзакционный анализ конфликтных ситуаций. *Евразийский Союз Ученых*, 7-1(64), 26–27.
- Малышев, К. Б. & Малышева, О. А. (2019). Системное описание и измерение эго-состояний как проблема общей психологии. *Ярославский педагогический вестник*, 4, 110–116. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10459>
- Попов, А. Ю. (2011). Эмпирическое исследование процессов субъект-субъектного взаимодействия людей: принципы и первые результаты. *Психология. Психофизиология*, 5(222), 42–47.
- Ребенок, В. В. (2023). Обзор исследований, посвящённых изучению взаимодействия и преобладающих Эго-состояний в контексте структурного и транзакционного анализа Эрика Берна. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 21(1), 58–70. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.6>
- Ребенок В.В. (2022). Обзор влияния установок и элементов типажа на выбор романтического и брачного партнёра. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 5(1):53–65. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-1-53-65>
- Саватеев, Д. А., Саватеева, О. В. (2018). Игры, в которые играют студенты. *Проблемы современного педагогического образования*, 60(4), 360–362.

- Токарева, В. Б. (2022). Взаимосвязь эго-состояний и уровня субъективного контроля у обучающихся. *Проблемы современного педагогического образования*, 77-2, 460–462.
- Халитова, С. А. (2022). Теоретические аспекты изучения межличностных отношений в социальной психологии. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 4(64), 268–275.
- Boholst, F. A. (2003). Effects of Transactional Analysis Group Therapy on Ego States and Ego State Perception. *Transactional Analysis Journal*, 33(3), 254–261. <https://doi.org/10.1177/036215370303300307>
- Ciucur, D. (2013). The Ego States and the "Big Five" Personality Factors. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 78, 581–585. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.355>
- Shirai, S. (2006). How transactional analysis can be used in terminal care. *International Congress Series*, 1287, 179–184. <https://doi.org/10.1016/j.ics.2005.12.052>

References

- Bern, E. (2006). *Games People Play. People who play games*. Minsk: Modern writer.
- Bessonova, N. N., Kukulyar A. M. (2021). The study of the psychological characteristics of conflict behavior in spouses, as a result of the crisis of family relations. *The world of science. Pedagogy and psychology*, 9(6).
- Boholst, F. A. (2003). Effects of Transactional Analysis Group Therapy on Ego States and Ego State Perception. *Transactional Analysis Journal*, 33(3), 254–261. <https://doi.org/10.1177/036215370303300307>
- Ciucur, D. (2013). The Ego States and the "Big Five" Personality Factors. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 78, 581–585. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.355>
- Ionova, V. E. (2015). "Ego-state" of the spouses as a factor in the formation of the role structure in a young family. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*, 2(18), 24–33.
- Khalitova, S. A. (2022). Theoretical aspects of the study of interpersonal relations in social psychology. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 4(64), 268–275.
- Kurakina, M. A. (2017). The relevance of understanding ego-states in business communication. *Bulletin of the National Institute of Business*, 27, 101–104.
- Levina, E. A. (2019). Conflict negotiations according to Eric Berne on the example of executive authorities of the city of Moscow. *Scientific Bulletin of Crimea*, 5(23).
- Litvinenko, T. Yu. (2019). Transactional analysis of conflict situations. *Eurasian Union of Scientists*, 7-1(64), 26–27.
- Malyshev, K. B. & Malysheva, O. A. (2019). Systemic description and measurement of ego-states as a problem of general psychology. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 4, 110–116. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10459>
- Popov, A. Yu. (2011). Empirical study of the processes of subject-subject interaction of people: principles and first results. *Psychology. Psychophysiology*, 5(222), 42–47.
- Rebenok, V. V. (2023). A review of research on the study of interaction and dominant ego states in the context of structural and transactional analysis by Eric Berne. *North Caucasian Psychological Bulletin*, 21(1), 58–70. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.1.6>
- Rebenok V. V. (2022). Review of the influence of attitudes and elements of the type on the choice of a romantic and marital partner. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 5(1):53–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-1-53-65>
- Savateev, D. A., Savateeva, O. V. (2018). Games played by students. *Problems of modern teacher education*, 60(4), 360–362.
- Shirai, S. (2006). How transactional analysis can be used in terminal care. *International Congress Series*, 1287, 179–184. <https://doi.org/10.1016/j.ics.2005.12.052>
- Tokareva, V. B. (2022). The relationship of ego-states and the level of subjective control in students. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 77-2, 460–462.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.2>

Взаимосвязь архетипа индивида с восприятием образа его будущего

Алина С. Рошчупка^{1*} ¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация* Почта ответственного автора roshchupka@sfedu.ru

Аннотация

В разделе **«Введение»** автор приводит актуальность взаимосвязи архетипа индивида с восприятием его образа будущего, опираясь на теорию Карла Юнга. Актуальность заключается в возможности получить качественно новые данные, так как ранее изучение подобной взаимосвязи не было обнаружено. Анализируя статьи, посвященные тематике архетипов, автор привёл описание основных 12 архетипов, на которые и были классифицированы испытуемые благодаря методике Кэрл Пирсон. Каждый из основных типов описан с точки зрения главных характеристик и страхов. Целью эмпирического исследования и анализа теоретической составляющей выступает изучение тенденций к построению различных образов собственного будущего у представителей определённых архетипов. В разделе **«Результаты»** автор анализирует данные о восприятии респондентами временной перспективы в целом: образ настоящего, образ прошлого и образ будущего в частности и показывает, каким получилось распределение по типам среди респондентов. Также достаточные важные данные удалось получить благодаря интеграции в исследование методики «Опросник атрибутивного стиля», так удалось укрепить уверенность в том, что люди архетипа «Правитель» более склонны воспринимать собственное будущее в позитивном ключе. Раздел **«Обсуждение результатов»** содержит в себе рефлексию на тему того, какие личностные характеристики определённых архетипов взаимосвязаны с большей склонностью воспринимать будущее положительно. Таким образом, автором статьи впервые была рассмотрена взаимосвязь архетипов и построения образа будущего у их обладателей.

Ключевые слова

архетип, образ будущего, восприятие индивидом будущего, Карл Юнг

Для цитирования

Рощупка А. С. (2023). Взаимосвязь архетипа индивида с восприятием образа его будущего. Северо-Кавказский психологический вестник, 21(2), 17–26. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.2>

The Correlation of the Archetype of the Individual with the Perception of his Image of the Future

Alina S. Roshchupka^{1*}

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* E-mail: roshchupka@sfedu.ru

Abstract

In the **"Introduction"** section, the author cites the relevance of the relationship of the individual's archetype with the perception of his image of the future, based on the theory of Carl Jung. The relevance lies in the possibility of obtaining qualitatively new data, since no previous study of such a relationship was found. Analyzing articles on the subject of archetypes, the author gave a description of the main 12 archetypes, into which the subjects were classified thanks to the Carol Pearson technique. Each of the main types is described in terms of main characteristics and fears. The purpose of empirical research and analysis of the theoretical component is to study the tendencies to build various images of their own future among representatives of certain archetypes. In the **"Results"** section, the author analyzes data on respondents' perception of the time perspective in general: the image of the present, the image of the past and the image of the future in particular, and shows how the distribution by types among the respondents turned out. Also, sufficient important data was obtained due to the integration of the Attributive Style Questionnaire methodology into the study, so it was possible to strengthen the confidence that people of the Ruler archetype are more inclined to perceive their own future in a positive way. The section **"Discussion of the results"** contains a reflection on the topic of which personal characteristics of certain archetypes are interconnected with a greater tendency to perceive the future positively. Thus, the author of the article for the first time considered the relationship of archetypes and the construction of the image of the future among their owners.

Keywords

archetype, image of the future, perception of the future, Carl Jung

For citation

Roshchupka A. S. (2023). The Correlation of the Archetype of the Individual with the Perception of his Image of the Future. North-Caucasian Psychological Bulletin, 21(2), 17–26. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.2>

Введение

Данная статья была создана благодаря осознанию факта, что исследования, посвященные прогнозированию человеком собственного будущего – проводились, а концепция Карла Юнга об архетипах была описана достаточно ярко и подробно. Однако информации о соединении этих двух составляющих всё ещё чрезвычайно мало.

Все люди так или иначе склонны к рефлексии по поводу своего будущего. Даже самый спонтанный человек не может существовать без представления о завтрашнем дне. Это могут быть как отдельные размытые планы, так и целостная картина, в которой индивид представлен как субъект, достигший определённой социальной роли и положения.

На формирование образа будущего может влиять целый пласт факторов. Особенно интересен вопрос о получении исхода событий извне и интеграции его в систему жизни. Так, например, изучение реакции людей на гороскопы и другие предсказания выступает очень любопытной проблемой. Ведь это, в сухом остатке, модель, которую каждый отдельный человек склонен отрицать или принимать, а затем строить свою жизнь в соответствии с намеченным «планом».

Но что, если бросить все исследовательские силы на изучение составления образа будущего не внешними факторами, а внутренними, уже имеющимися внутри личности? Здесь можно опереться на базу из множества концепций. В данном труде в качестве базы выступают представления Карла Юнга о границах психического, в частности концепция об Архетипах (Jung, 1964). Она настолько аутентична и метафорична для психологического мира, что порой возникает непонимание: то, что создал Юнг – это революционное открытие или всего лишь фантазия, не имеющая ничего общего с реальностью?

Так или иначе, Архетипы «живут» уже долгие десятилетия, и основная их идея такова: человеческая психика, равно как и тело, имеет универсальные структуры. Основные структуры (Архетипы), выделяемые Юнгом, это: Персона, Тень, Анима, Анимус, Великая Мать и Самость. Однако для чёткого эмпирического исследования мы использовали базис из несколько других архетипов, составляющих основу методики «12 Архетипов», адаптированную Кэрл Пирсон. Справедливости ради стоит заметить, что надпсихических структур существует огромное количество, каждая из них индивидуальна и многогранна. Для удобства исследования мы использовали 12 основных, которые так или иначе, в большей или меньшей степени были способны отразить личность каждого респондента.

Возвращаясь к актуальности темы, можно отметить, что вопрос связи Архетипов и будущего человека пусть и не стоит так остро, зато подводит нас к одной из самых злободневных тем современного мира: как «работает» психика нынешнего индивида, как она приспосабливается к постоянно меняющимся условиям среды и как создает планы на будущее в условиях, порой, тотальной неопределённости?

Опираясь на фундаментальную информацию о структуре личности Зигмунда Фрейда, психоаналитики на протяжении долгих лет стараются разгадать тайну такого феномена, как бессознательное. Особенный резонанс получила теория Карла Густава Юнга об архетипах, так как она по своей сути совсем не схожа ни с какой другой. Зачатки теории были обнаружены ещё в период между 1909–1912 годами (Mahr, Drake, 2022). Типы, появившиеся в самом начале работы над теорией, отражают типично мужские и типично женские проявления (Анима и Анимус), «светлую» и «тёмную» сторону личности (Персона и Тень) и множество других качеств (Куимова, 2019). Согласно Юнгу, во время встречи с препятствиями и барьерами окружающей среды жизненная сила и энергия индивида транспортируется не в поле индивидуального бессознательного, а во всеобщее бессознательное в виде архетипов (Jung, 1964; Бойко, 2016). Этот термин обычно транслируют как «первообраз», то есть некая модель поведения и восприятия мира, базовая матрица психики. Карл Юнг обнаружил их в рисунках, когда работал с психически несохранными пациентами (Черникова и Динаева, 2017). В рисунках проявлялись похожие сюжеты, и они вовсе не зависели от социально-демографических факторов в виде пола, национальности, возраста или образования человека: данные детерминанты оказались совершенно не важны. Юнг полагал, что они являются проявлением надпсихических, надсоциальных и надматериальных структур, пронизывающих всю Вселенную: «Понятие архетипа... указывает на то, что в психике существуют в наличности определенные формы, которые распространены вездесущно и повсюду», – пишет Юнг (Балашова, Грибанов, Мальцева и Носкова, 2017). В соответствии с трудом «Критический словарь аналитической психологии Юнга» понятию «архетип» даётся следующая трактовка: «Наследуемая часть психики; структурирующие образцы психической деятельности, связанные с инстинктом; гипотетическая сущность, непредставимая сама по себе и свидетельствующая о себе лишь посредством своих проявлений» (Samuels, Shorter & Plaut, 1986). Однако утверждать, что именно Юнг придумал это понятие, также не стоит: он лишь наделил его совершенно новым смыслом (Иванова, 2017; Харебин, 2015). Вскоре автор концепции замечает, что «феномен архетипического вида – данность более тонкая, нежели психическая, – основан на существовании некоего психоидного базиса, т.е. чего-то лишь обусловленного психическим, но принадлежащего соответственного к иной форме существования». Как было упомянуто в начале статьи, в поле коллективного бессознательного можно выделить бесконечное множество архетипов. Некоторые архетипы склонны иметь общую «базу» характеристик и преломляться от личности к личности (Пушкина, 2020). Таким образом, например, невероятно схожи типы Трикстер и Шут – их обоих именуют «Дураками» (Короленко и Дмитриева, 2018). Несмотря на существование такого огромного количества, Юнг выделил и описал несколько основных архетипов, которые связаны, символизируют базовые человеческие мотивы. Любой тип обладает собственным уникальным набором черт и качеств личности.

1. Невинный (или Простодушный). Рутинный индивид, которому в наибольшей степени подходит этот архетип, крутится вокруг веры в то, что жизнь не будет тяжёлой. Он часто находится в долговременном поиске идеалов: идеального партнёра, места работы, семьи и так далее. Квинтэссенция страхов такого архетипа воплощается в боязни быть наказанным за «плохое поведение». Соответственно, ведущей слабостью выступает наивность.

2. Сирота (или Славный Малый). Основное стремление такого человека – быть частью какой-либо группы или сообщества. Он всегда создаёт ощущение «свой в

доску» или «я, как все». Верит в безграничную добродетель. Основной страх заключается в том, чтобы проявить собственную индивидуальность, выделиться из группы, отличаться.

3. Герой (или Воин). Основное желание: доказать свою ценность через мужественные поступки. Видит жизнь осмысленной только при наличии бесконечной борьбы. Самыми главными страхами являются уязвимость и слабость.

4. Попечитель (или Заботливый). Таким человеком движет эмпатия, сочувствие, желание помогать. Смысл для данного архетипа заключается в отдаче для других. Боится, что неприятности коснутся его близких и дорогих людей.

5. Исследователь (или Искатель). Искатель жаждет жить полной жизнью. Он всегда находится в поиске другого, более хорошего мира. Для этого он путешествует, преодолевает новые трудности, избавляя себя от скуки. Самый большой страх: оказаться в ловушке.

6. Бунтарь (или Мятежник). Основное его желание: месть или революция. Реализовывает с помощью нарушений, уничтожения. Больше всего боится быть бесполезным, бессильным и неэффективным.

7. Любownik. Высшей ценностью для него является контакт с людьми, работой и окружением, которое он любит. В основе этого лежит потребность дарить и получать любовь. Наибольший страх: остаться в одиночестве, быть ненужным.

8. Создатель (или Творец). Основное его желание: создавать вещи долговременной ценности. Главная движущая сила – страсть к самовыражению в материальном мире. Больше всего боится стать посредственностью.

9. Шут (или Дурак). Фундаментальное желание – жить «в моменте», не задумываясь о последствиях. Живет для того, чтобы хорошо провести и получить максимум удовольствия. Добивается своего желания с помощью игр, шуток. Наибольший страх заключается в том, чтобы поддаться скуке или стать скучным самому.

10. Мудрец. Он использует интеллект и анализ, чтобы понять мир. Постоянно ищет информацию, не может без новых знаний. Самый большой страх: быть обманутым, введенным в заблуждение или незнание, столкнуться с невежеством.

11. Волшебник. Больше всего хочет осуществить мечты. Главным для такого индивида является желание постигнуть фундаментальные законы деятельности и применить эти принципы для того, чтобы заставить вещи работать. Боится не предвидеть негативные последствия.

12. Правитель также известен как: босс, лидер, аристократ, король. Избегает хаоса путём подчинения всего своему контролю. Наибольший страх кроется в опасении быть свергнутым.

Данным архетипам и будет уделено особое внимание в практической части исследования.

Стоит отметить, что теория об архетипах не выступает как нечто мистическое и сверхъестественное, хотя изначально базируется на проблематике символического отражения неосознаваемых личностью структур.

Информация о прямой корреляции между архетипами человека и образом будущего, им воспринимаемого, вероятно, отсутствует. Исследований о связи данных тем обнаружить не удалось. Предлагаем ознакомиться с данными о восприятии образа будущего для того, чтобы стало возможным обнаружить некоторые взаимосвязи с теорией архетипов.

В статье, авторами которой выступили А. И. Крейк, А. А. Попова и А. Е. Черепанова, подчеркивается важность правильного формирования будущего как для ближайшей, так и для отдаленной перспективы в целях обеспечения устойчивого развития общества. Особое внимание уделяется факту того, что большинство молодых людей сегодня склонны ориентироваться на материальные ценности, что может привести к проблемам адаптации из-за повышенной тревожности (Крейк, Попова и Черепанова, 2019).

В рамках исследования в статье указано, что существует множество факторов, которые влияют на восприятие будущего, такие как возраст, пол, идеологические установки, патологические черты личности, религиозность, уровень образования, культура, материальное положение и эмоциональное состояние. Кроме того, эмоциональное состояние личности и социальной группы может искажать реальное представление о будущем. Мы к числу этих факторов также добавляем архетипы, но не утверждаем, что исключительно они влияют на восприятие образа будущего. Мы лишь предполагаем, что архетипы имеют определённую взаимосвязь с тем или иным полюсом восприятия индивидами собственного будущего.

Молодежь, согласно исследованию статьи А. И. Крейка, А. А. Поповой и А. Е. Черепановой (2019), считает, что для благоприятного развития общества следует придерживаться ценностей, таких как образование, свобода, духовность и доброжелательность. Однако, многие из них сосредоточены на ближайших 3–5 годах и уделяют большее внимание материальным ценностям, таким как работа и материальное благополучие. Социальная среда, материальное положение, возраст и пол являются важными факторами, определяющими содержание жизненных планов молодежи.

В другой статье, касающейся образа будущего, за основу взята немного другая направленность. Автор обсуждает способность принимать решения не с помощью рациональных структур психики, а с помощью плодов деятельности работы интуиции. Так, она пишет: феномен интуиции представляет собой способность человека к неосознанному предопределению решений, событий, ситуаций. Это работа подсознания, происходящая в виде некоторого «озарения», импульса мысли или идеи (Ковальчишина, 2017).

Методы

Нами было проведено исследование, в котором приняли участие 48 человек, студенты факультета психологии Южного федерального университета в возрасте от 18 до 30 лет. Выборка была сделана по принципу доступности исследования, а также исходя из факта, что люди данного возраста находятся в наибольшей дестабилизации относительно будущего ввиду отсутствия достаточного жизненного опыта. Данная группа представляется особенно любопытной.

Наибольшей релевантностью в данной теме обладает методика «12 архетипов» Кэрл Пирсон. Господствующий у каждого респондента архетип определяется максимальными баллами по одной (или двум) из шкал.

Для определения представлений студентов о будущем хорошим инструментом является опросник временной перспективы Зимбардо. В область изучения попадает система отношений личности к временному континууму.

Методика «Опросник атрибутивного стиля» поможет определить, какое из восприятий событий индивидом (отрицательное или положительное) в общем превалирует в его жизни.

Результаты

При проведении исследования были получены неожиданные результаты. Далее представлены данные, получены при анализе ответов на методику «Опросник временной перспективы» Зимбардо и их связь с архетипами (табл. 1). Шкалы «фаталистическое настоящее» и «будущее» взаимосвязаны каждая лишь с двумя архетипами.

Таблица 1

Результаты методики «Опросник временной перспективы» Зимбардо, корреляции с архетипами

Критерий	Архетипы, с которыми выявлена связь	Процент от общего числа архетипов
Негативное прошлое	Простодушный, Славный Малый, Герой, Заботливый, Бунтарь	41,6%
Позитивное прошлое	Простодушный, Славный Малый, Любовник, Творец, Правитель	41,6%
Фаталистическое настоящее	Герой, Бунтарь	16,6%
Гедонистическое настоящее	Простодушный, Искатель, Бунтарь, Любовник, Творец, Маг, Шут	58,3%
Будущее	Правитель, Мудрец	16,6%

Далее представлены результаты, полученные при анализе ответов на методику «Опросник атрибутивного стиля» и их связь с архетипами (табл. 2).Так, архетипом, с которым была выявлена связь, выступает архетип «Правитель».

Таблица 2

Результаты методики «Опросник атрибутивного стиля», корреляции с архетипами

Критерий	Архетипы, с которыми выявлена связь	Процент от общего числа архетипов
Постоянство «Всегда плохо»	-	0%
Постоянство «Всегда хорошо»	-	0%
Универсальность «Везде плохо»	-	0%
Универсальность «Везде хорошо»	Правитель	12%
«Надежда»	-	0%

Обсуждение результатов

Архетипы сложны для изучения, однако, существуют некоторые базовые структуры, позволяющие исследователем условно описать личности респондентов через призму этих 12 категорий. За базовые архетипы были взяты такие, как «Простодушный», «Славный Малый», «Герой», «Заботливый», «Искатель», «Бунтарь», «Любовник», «Творец», «Правитель», «Маг», «Мудрец» и «Шут».

У нас было множество предпосылок догадываться, что у каждого типа представления о будущем будут серьёзно отличаться. Данный тезис можно объяснить «личностными качествами», присущими человеку того или иного архетипа. Так, в сознании «Шута» и «Бунтаря» редко существуют социальные рамки, на них оказывают наименьшее влияние установки других, поэтому можно предполагать, что образ будущего может быть крайне позитивным и нереалистичным. В то время как у архетипов «Славный Малый» и «Простодушный» восприятие может быть кардинально полярным.

Однако, результаты несколько удивили. Мы получили данные, позволяющих узнать отношение представителей архетипов к прошлому и к настоящему, а также их поведение в различных ситуациях благодаря методике «Опросник атрибутивного стиля». По тематике исследования получены любопытные результаты. В результате корреляционного анализа данных из всех трёх методик, в сфере негативного, позитивного прошлого и фаталистического, гедонистического настоящего обнаружено множество прямых и обратных связей, с данными сферами коррелируют архетипы «Бунтарь» и «Простодушный». Однако по теме исследования была выявлена зависимость среди переменных «Будущее» и «Везде хорошо», они напрямую коррелируют с архетипом «Правитель» ($r = 0,318$ и $r = 0,33$). Респонденты данного архетипа более склонны воспринимать будущее и временную перспективу в целом положительно. Если рассмотреть этот архетип детально, можно заметить, что центральную роль в ядре типа занимает такая черта, как контроль. Осуществление руководства – главная функция «Правителя». Можно предположить, что определённая структурность деятельности, которую достаточно тщательно выстраивает данный архетип, приносит индивиду некоторую степень спокойствия и определённости, что вносит свой вклад в восприятие будущего позитивно.

Склонность более положительно воспринимать будущее была отмечена также у людей с архетипом «Мудрец» ($r = 0,523$). Стоит заметить, что связь достаточно сильна. Мудрец использует интеллект и анализ для постижения мира. Таким образом, смеем выдвинуть предположение, что глубокая рефлексия над собственным «Я» и «Я» других и позитивная направленность мыслей позволяет людям с архетипом Мудрец быть более склонными к положительному восприятию будущего.

Данные о негативном восприятии будущего не были обнаружены в ходе эмпирического исследования, и этот факт мотивирует углубить методы изучения этой непростой взаимосвязи.

Литература

- Балашова, Е. С., Грибанов, С. В., Мальцева, С. М. и Носкова О. И. (2019). Современные аспекты теории Архетипов К. Юнга. *Азимут научных исследований*, 3 (28), 320–322.
- Бойко, О. А. (2016). Анализ архетипа коллективного бессознательного в концепции К.Г. Юнга. В *Булгаковские чтения: сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научной конференции с международным участием* (С. 148–156). Орел: Каргуш.
- Ковальчишина, Н. И. (2017). Роль интуиции человека в прогнозировании будущего. В *Ананьевские чтения – 2017: Преемственность в психологической науке: В. М. Бехтерев,*

- Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов: материалы традиционной международной научной конференции (С. 298). Санкт-Петербург: Айсинг.
- Короленко, Ц. П. и Дмитриева, Н. В. (2018). Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях. *Медицинская психология в России*, 10(1). <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11030>
- Крейк, А. И., Попова, А. А. и Черепанова, А. Е. (2019). Образ будущего в представлении современных молодых людей. В *Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: сборник статей 2-й Международной научно-практической конференции* (С. 118–121). Петрозаводск: МЦНП Новая наука.
- Куимова, В. М. (2019). Гендерная идентичность и архетип в дискурсе психоаналитических идей. В *Диалог культур и цивилизаций: Материалы Международной научно-практической конференции* (С. 660–665). Москва: Московский государственный лингвистический университет.
- Пушкина, О. И. (2020). Теории архетипов: проблемы и перспективы в изучении национальной культуры. *Искусство и культура*, 3(39), 54–59.
- Черникова, В. Е., Динаева, Л. (2017). Карл Густав Юнг и его учение о коллективном бессознательном. *Аллея науки*, 2(9), 818–822.
- Иванова, М. Г. (2017). Культурные архетипы как объект историко-философского анализа (Кандидатская диссертация). Москва: Российский университет дружбы народов.
- Харебин, О. С. (2015). Архетип – маятник истории. *Стратегия России*, 7, 43–52.
- Jung C. G. (1964). *Man and His Symbols*. Random House Publishing Group.
- Mahr G., Drake Ch. L. (2022). Singing in tune: Carl Jung and The Red Book. *Sleep Health*, 8(4), 347–349. <https://doi.org/10.1016/j.sleh.2022.06.003>
- Samuels, A., Shorter, B., Plaut, F. (1986). *A Critical Dictionary of Jungian Analysis*. London: Routledge.

References

- Balashova, E. S., Gribanov, S. V., Maltseva, S. M., and Noskova, O. I. (2019). Modern aspects of the theory of Archetypes by K. Jung. *Azimuth Scientific Research*, 3(28), 320–322.
- Boyko, O. A. (2016). Analysis of the archetype of the collective unconscious in the concept of C. G. Jung. In *Bulgakov Readings: a collection of scientific articles based on the materials of the IX All-Russian Scientific Conference with International Participation* (pp. 148–156). Eagle: Cartouche.
- Chernikova, V. E., Dinaeva, L. (2017). Carl Gustav Jung and his doctrine of the collective unconscious. *Alley of Science*, 2(9), 818–822.
- Ivanova, M. G. (2017). *Cultural Archetypes as an Object of Historical and Philosophical Analysis* (Ph.D. thesis). Moscow: Peoples' Friendship University of Russia.
- Jung C. G. (1964). *Man and His Symbols*. Random House Publishing Group.
- Kharebin, O. S. (2015). The archetype is the pendulum of history. *Strategy of Russia*, 7, 43–52.
- Korolenko, Ts. P. & Dmitrieva, N. V. (2018). The main archetypes in classical Jungian and modern ideas. *Medical psychology in Russia*, 10(1). <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11030>
- Kovalchishina, N. I. (2017). The role of human intuition in predicting the future. In *Ananiev readings – 2017: Continuity in psychological science: V. M. Bekhterev, B. G. Ananiev, B. F. Lomov: materials of the traditional international scientific conference* (p. 298). St. Petersburg: Aising.
- Kreik, A. I., Popova, A. A. & Cherepanova, A. E. (2019). The image of the future in the minds of today's young people. In *Fundamental and Applied Science: Status and Development Trends: Collection of Articles of the 2nd International Scientific and Practical Conference* (pp. 118–121). Petrozavodsk: ICNP New Science.
- Kuimova, V. M. (2019). Gender identity and archetype in the discourse of psychoanalytic ideas. In *Dialogue of Cultures and Civilizations: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 660–665). Moscow: Moscow State Linguistic University.
- Mahr G., Drake Ch. L. (2022). Singing in tune: Carl Jung and The Red Book. *Sleep Health*, 8(4), 347–349. <https://doi.org/10.1016/j.sleh.2022.06.003>

Pushkina, O. I. (2020). Theories of archetypes: problems and prospects in the study of national culture. *Art and Culture*, 3(39), 54–59.

Samuels, A., Shorter, B., Plaut, F. (1986). *A Critical Dictionary of Jungian Analysis*. London: Routledge.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Научная статья

УДК 159.953.5

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.3>

Использование альтернативных средств коммуникации с помощью предметного PECS в рамках обучения детей с ДЦП с применением основ Аба-терапии

Владислав М. Андрусенко^{1*} , Екатерина А. Попова¹ ,
Татьяна О. Римская^{1,2}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Центр абилитации и коррекции поведения и речи «ДобрАВА»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: vandrusenko@sfedu.ru

Аннотация

Система альтернативной коммуникации предметного PECS (Picture exchange communication system), что в переводе означает коммуникационная система обмена изображениями, оказывает исключительно позитивное влияние на обучение детей с определенными нарушениями здоровья, в том числе с диагнозом детского церебрального паралича (МКБ10: G80, МКБ11: 8D20–8D23, 8D2Y, 8D2Z). В представленном исследовании отражены материалы теоретического исследования и обзор трудов об эффективности использования системы альтернативной коммуникации PECS. Особое внимание было обращено на эмпирические исследования отечественных ученых О. С. Никольской, Е.Р. Баенской, М.М. Либлинга для дальнейшего обобщения результатов по вопросу эффективного использования альтернативных средств коммуникации с помощью предметного PECS в рамках обучения детей с ДЦП. Стоит отметить, что для детей с ДЦП использование карточек PECS доставляет ряд неудобств, а иногда бывает невозможным, в альтернативных средствах коммуникации можно использовать предметные материалы.

Ключевые слова

система альтернативной коммуникации PECS, предметный PECS, детский церебральный паралич, прикладной анализ поведения, обучение коммуникативным навыкам, функциональная коммуникация, альтернативная коммуникация

Для цитирования

Андрусенко, В. М., Попова, Е. А., Римская, Т. О. (2023). Использование альтернативных средств коммуникации с помощью предметного PECS в рамках обучения детей с ДЦП с применением основ Аба-терапии. Северо-Кавказский психологический вестник, 21(2), 27–36. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.3>

The use of Alternative Means of Communication Using Subject PECS in the Framework of Teaching Children with Cerebral Palsy Using the Basics of ABA Therapy

Vladislav M. Andrusenko^{1*} , Ekaterina A. Popova¹ , Tatiana O. Rimskaya^{1,2}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Center for Habilitation and Correction of Behavior and Speech "DobrABA", Rostov-on-Don, Russian Federation

* Email: vandrusenko@sfedu.ru

Abstract

The system of alternative communication of the subject PECS (Picture exchange communication system) has an exceptionally positive impact on the education of children with certain health disorders, including those diagnosed with cerebral palsy (ICD10: G80, ICD11 and DSM4 DSM5). The presented study reflects the materials of a theoretical study and a review of works on the effectiveness of using the PECS alternative communication system. Particular attention was paid to empirical studies of teachers and psychologists in this field for further generalization of the results on the effective use of alternative means of communication using subject PECS in the framework of teaching children with cerebral palsy. It is worth noting that for children with cerebral palsy, the use of cards causes a number of inconveniences, and sometimes it is impossible, subject materials can be used in alternative means of communication.

Keywords

PECS alternative communication system, subject PECS, cerebral palsy, applied behavior analysis, communication skills training, functional communication, alternative communication

For citation

Andrusenko V. M., Popova E. A., Rimskaya T. O. (2023). The use of Alternative Means of Communication Using Subject PECS in the Framework of Teaching Children with Cerebral Palsy Using the Basics of ABA Therapy. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(2), 27–36. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.3>

Введение

Система альтернативной коммуникации PECS является системой общения, при которой используются методика обмена карточками (предметами). Система альтернативной коммуникации PECS была разработана американскими учеными в 1985 году, которые долгое время посвящали себя этим исследованиям – Э. Бонди и Л. Фрост. Энди Бонди – американский поведенческий аналитик, который является психологом и членом Международной организации прикладного анализа, а его жена Лори Фрост – логопед, которая работала с детьми, имеющими речевые отклонения и с детьми, имеющими диагноз ДЦП, которая является соавтором трудов Энди Бонди о системе альтернативной коммуникации PECS (Bondy, Frost, 1994; Фрост, Бонди, 2011). Система альтернативной коммуникации PECS разработана для того, чтобы оказать помощь детям с социально-коммуникативными особенностями преодолеть ряд трудностей, с которыми они сталкиваются во время обучения и освоения образовательных программ. Стоит отметить, что изначально данная система была разработана для детей с нарушением интеллекта дошкольного возраста, позже об эффективности данной методики свидетельствуют эксперименты, которые проводились с детьми, имеющими диагноз ДЦП, так как для таких детей характерно отсутствие социально-приемлемой речи или её целенаправленности (Алексеева, 2014; Сандберг, Партингтон, 2013; Течнер, Мартинсен, 2014).

В своих трудах Э. Бонди и Л. Фрост отмечают, что данная проблема у детей с социально-коммуникативными особенностями возникает в связи с тем, что достаточно редко инициируют общение с другими людьми, для них характерно избегание взаимодействия с окружающими, в связи с этим их общение возникает только в условиях прямого указания (Bondy, 2012).

Согласно системе альтернативной коммуникации PECS в первую очередь ребенок должен научиться взаимоотношению с партнером путем выбора изображения желаемого предмета, с целью получить его на реальный предмет, исходя из данной специфики, с детьми, имеющими диагноз ДЦП необходимо использовать предметный PECS. Данный факт связан с тем, что у 80 % детей с диагнозом ДЦП имеются нарушения речи, что отражено в трудах М. Вентланда и позволяет изначально работать с рядом определенных предметов (Баенская, Никольская, Лебединская, 1997).

Можно сделать вывод о том, что благодаря данной системе ребенок получает возможность участвовать в акте общения получая конкретный результат в социальном контексте. Б. Ф. Скиннер является известным американским психологом, который внёс большой вклад в развитие и популяризацию бихевиоризма. Если обратить внимание на концепции оперантного поведения и бихевиоризма Б. Ф. Скиннера, можно сделать вывод о том, что они нацелены на то, что специалист, который применяет данную систему, должен понимать принципы функциональности. Процесс нацелен на целенаправленность восприятия ребенком формы поведения от другого человека (Skinner, 1984; Carpenter, Charlop-Christy, 2000). Рассматривая данный вопрос

необходимо обратить внимание на труды И. П. Павлова, который является русским физиологом и разработал методы изучения поведения и его принципы. Он описал тип обусловливания: нейтральный стимул начинает вызывать ту же реакцию (условную реакцию), которую вызывал первый (безусловный стимул).

Система альтернативной коммуникации PECS включает 6 фаз:

1. Моторный ответ, который обуславливается выработкой системы подсказок.
2. Расстояние и настойчивость. Данная фаза заключается в обучении новым навыком по типу «от пробы к пробе».

3. Распознавание карточек. Данная фаза строится из нескольких этапов: привлечение внимания ребенка, выбор картинка, получение желаемого предмета.

4. Структура предложения. Суть фазы научить строить предложения, используя картинки. В данном случае также используются предметы.

5. Фаза «Что ты хочешь?». Данная фаза строится на том, что ребенок спонтанно может выбрать предмет, отвечая на вопрос: «Что ты хочешь?»

6. Комментирование. На данном этапе предлагается выбрать предмет и дать ему комментарий. То есть выбирая предмет, необходимо дать ему характеристику описать его внешний вид и предназначение (Сандберг, 2013; Bondy, Frost, 2001).

Изначально, дети, которые используют систему альтернативной коммуникации PECS, учатся с помощью отдельных карточек (предметов). В трудах Л. Г. Нуриевой отмечено, что выбор между карточками и предметами основывается исходя из диагноза ребенка, его психологического и физиологического развития, а также возрастными особенностями (Нуриева, 2006). Благодаря представленной системе ребенок может обращаться с просьбами, с развитием речевых и социальных навыков, используя данную систему дети могут создать высказывания и грамматические структуры, что формирует у детей коммуникативные функции (Мироненко, 2021; Парамонова, Алиева, Арушанова, 1999).

На любом уровне образования у учащихся в зависимости от их уровня коммуникации также используется систему альтернативной коммуникации PECS (в том числе и предметного), так как при достижении следующего уровня образования, не все дети смогли свободно овладеть речью. Однако, в статье Л. Фрост, Э. Бонди «Система альтернативной коммуникации с помощью карточек PECS: Руководство для педагогов» приведены статистические данные, которые отражают тот факт, что 59 % детей, которые использовали данную систему больше года, диагностировали развитие спонтанной речи. Дети с диагнозом ДЦП смогли отказаться от применения системы альтернативной коммуникации PECS и смогли пользоваться речью, как основной формой общения, но у них отмечалась задержка речевого развития. В трудах Б. Шварца и Т. Бауэра, которые являются американскими психологами (а Б. Шварц и профессором социальной теории и социальных действий), также отмечалась положительная динамика при обучении детей с различными нарушениями речи и общения после применения системы альтернативной коммуникации PECS (Bondy, 2011).

Однако, эффективность системы альтернативной коммуникации PECS подвергалась критике. Так в трудах Л. В. Захаровой и М. В. Матюхиной прослеживается опровержение высказываний о том, что система альтернативной коммуникации PECS не имеет практических результатов. Так в трудах упоминается о важности наглядности и моральных мотивов, которые является основой для формирования речевых и социальных навыков, при этом особое место в этом вопросе занимают

именно карточки, предметы, таблицы и так далее (Парамонова, Алиева, Арушанова, 1999).

Тема статьи актуальна в наше время, так как по данным ЮНЕСКО опубликованным 14.08.2021 года, количество людей с различными речевыми нарушениями растет, что является большой проблемой не только для России, но и для всего мира. Также, исходя из представленных данных ЮНЕСКО, можно отметить, что в России проблемами речевой коммуникации страдают люди от 1 года до 19 лет, то есть это категория людей, которые «не могут использовать речь в качестве основного средства общения» (Bondy, 2011, с. 80).

Учитывая Конвенцию о правах инвалидов, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года и вступившая в силу 3 мая 2008 года, можно отметить, что для того, чтобы обеспечить возможность коммуникации такой категории людей «необходимо использование технологий, учитывающих разные формы инвалидности, принятие и содействие использованию языка жестов и дополнительных и альтернативных способов общения», в том числе и применения системы альтернативной коммуникации PECS. Е. В. Запара и Е. Н. Лебедева в своем труде отмечают, что несмотря на то, что АДК имеет ряд преимуществ, взгляды психологов и педагогов останавливаются на системе альтернативной коммуникации PECS. Данный фактор связан с тем, что АДК основывается на всех способах коммуникации, которые нацелены не на развитие речевых навыков, а формирование способов социализации через неречевые средства, когда система альтернативной коммуникации PECS нацелена на развитие как речевых, так и социальных навыков (Баенская, Никольская, Лебединская, 1997; Парамонова, Алиева, Арушанова, 1999).

Высокая потребность некоторых категорий людей в формировании коммуникации альтернативными способами, нашло свое отражение в Федеральном государственном образовательном стандарте (далее – ФГОС). Изначально, данная концепция была прописана в ФГОС 2014 года, на сегодняшний день она нашла свое отражение в принятом обновленном ФГОС 2021 года. В связи с тем, что общение занимает достаточно большое место в развитии человека и его формирование личностных качеств в обществе, включение системы альтернативной коммуникации PECS в программу обучения для некоторых категорий школьников необходимо на всех уровнях образования. ФГОС образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) призван осуществить гарантию получения качественного образования каждым ребёнком с ограниченными возможностями здоровья, так как определяет совокупность необходимых и достаточных условий для личностного, социального, общекультурного развития обучающихся с особыми образовательными потребностями в зависимости от их образовательного потенциала. В Стандарте представлены обязательные требования при реализации адаптированных основных общеобразовательных программ (далее – АООП). АООП разрабатывается образовательной организацией на основе Стандарта с учётом особенностей групп детей – первый вариант для обучающихся с лёгкой умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), второй вариант для обучающихся с умеренной, тяжёлой, глубокой умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), тяжёлыми и множественными нарушениями развития, учитывается их психофизическое развитие, индивидуальные возможности, обеспечивается коррекция нарушений развития и социальная адаптация.

Теоретическое обоснование

В ходе исследования была рассмотрена статья О. А. Поповой, Н. М. Филиной «Влияние системы альтернативной коммуникации PECS на проявления вокальной речи у детей с аутизмом», которая также направлена на изучение систем альтернативной коммуникации. В своей работе автор раскрывает положительное влияние системы альтернативной коммуникации PECS на развитие ребенка, а также она отмечает, что «дети, обученные общению с помощью системы альтернативной коммуникации PECS, реже демонстрируют нежелательное поведение, приобретают функциональные коммуникативные навыки, что в целом улучшает качество жизни семьи и ребенка» (Попова, Филина, 2021, с. 24).

Для развития у учащихся с ДЦП, имеющими речевые нарушения, такие как дизартрия, задержка речевого развития, алалия, нарушения письменной речи, необходимо формировать коммуникативные навыки и учитывать, что данная работа является долгим и трудоемким процессом. В работе с учащимися, которые используют систему альтернативной коммуникации PECS на любом уровне образования на первом этапе необходимо создать систему работы по формированию коммуникативной деятельности при использовании индивидуального подхода. На втором этапе работ необходимо разработать программу по развитию речевой деятельности и в дальнейшем наступает этап формирования речевой среды. Важно делать анализ проделанной работы, который позволит определить особенности в области коммуникативной деятельности и так как системный анализ позволяет увидеть уровень развития и формирования коммуникативной деятельности учащихся для составления дальнейшего маршрута по его развитию.

В статье О. А. Поповой устанавливается факт того, что у ребенка ДЦП, имеющего речевые или другие нарушения здоровья в ходе использования системы альтернативной коммуникации, формируются речевые и коммуникационные навыки через какие-либо средства коммуникации и общения: фотографии, пиктограммы, рисунки, PECS, жесты, взгляды, реальные предметы и так далее. Важно как можно чаще собирать данные во время использования системы альтернативной коммуникации PECS, чтобы построить систему работы таким образом, чтобы у ребенка были сформированы навыки пользования средствами альтернативной коммуникации (Попова, Филина, 2021).

В труде Р. Е. Левиной «Опыт изучения неговорящих детей (алаликов)» отмечено, что у детей с речевыми нарушениями наблюдается низкий уровень мотивации. В связи с этим в работе с детьми, имеющими речевые нарушения, необходимо, чтобы у них коммуникативные навыки, соответствовали возрасту и требованиям решения жизненных и бытовых задач. Это позволит повысить мотивацию учащегося и стремление овладеть коммуникативными навыками общения и взаимодействия с другими людьми. В результате проделанной работы в условиях правильного подбора методик и введения той же системы альтернативной коммуникации PECS, у ребенка формируется умение вступать в контакты с другими людьми, использовать жесты, предметы, взгляды для выражения индивидуальных потребностей учащегося. А также пользоваться средствами обучения системы альтернативной коммуникации PECS (предметами) и возможное пользование электронными средствами коммуникации (Попова, Филина, 2021). В трудах Л. В. Захаровой рассмотрено исследование, в ходе которого было определено, что система альтернативной коммуникации PECS обладает мотивирующим характером. Данная система повышает мотивацию к обучению, в связи с тем, что предметный PECS заинтересовывает ребенка, в его системе имеется «лист поощрения»,

что также повышает мотивацию детей с ДЦП, а также дальнейшее понимание темы и первые успехи способствуют стремлению и заинтересованности ребенка в обучении.

В работе Н. А. Стародубовой «Теория и методика развития речи» отмечено, что методологической основой в работе по развитию речевого общения у детей с нарушением речи являются принципы, разработанные педагогами и психологами в специальной психологии. Например, принцип взаимосвязи умственного, речевого и сенсорного развития; принцип коммуникативно-деятельностного подхода; принцип формирования осознания явлений языка. Важно отметить, что работа, согласованная с этими принципами, позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка, по которым составляется индивидуальный план работы, с учетом дидактических и игровых материалов.

Работа с учащимися данной категории строится таким образом, чтобы учебное содержание было нацелено на хозяйственно-бытовой труд, самообслуживание, на социальную и бытовую ориентировку, так как все направления должны быть нацелены на повышение социальной мотивации. В ходе проведенных занятий с детьми по системе альтернативной коммуникации PECS во время проведения экспериментального исследования у ребенка формируется потребность и активность в образовательном процессе, стремление к овладению жизненных навыков и умений, но только в той мере, в которой они доступны для учащегося. Впервые PECS был введен в России в 2014 году и в ходе проведения эксперимента был внедрен в школах России в таких городах как Москва, Волгоград, Воронеж, Самара.

Также необходимо отметить, что в систему работы по формированию альтернативной коммуникации учащихся особым направлением является совместная работа с родителями, так в дальнейшем формы и содержание работы с учащимся определяется совместно с родителями. Взаимодействие с родителями является важным составляющим для положительного результата, так как продуктивность работы может быть гарантирована только при наличии обратной связи. Так, применение предметной альтернативной системы PECS позволяет в более короткие сроки сформировать у детей речевые и коммуникационные навыки, но при условии, что работа должна проходить совместно с родителями, то, что ребенок делает со специалистом в учреждении, должно подкрепляться дома иначе эффективности от применения данной системы не будет.

В работе с детьми с ДЦП и сопровождающими речевыми нарушениями важно обращать внимание на то, как ребенок делает свой выбор и сочетает формы работы по развитию коммуникативных навыков ребенка. Это связано с тем, что мониторинг дает возможность проводить анализ, по которому можно проследить причины отсутствия положительной динамики в области формирования коммуникативной деятельности ребенка. Благодаря мониторингу специалист может увидеть причину и в дальнейшем скорректировать работу с ребенком.

Система альтернативной коммуникации PECS также направлена на снижение уровня агрессивности у детей, так как дети с ДЦП не могут сообщить о своих потребностях и желаниях. Система альтернативной коммуникации PECS позволяет ребенку передать свое желание или потребность через картинки (предметные материалы).

Обсуждение результатов

В ходе анализа отмечается, что система альтернативной коммуникации PECS является эффективной не только для речевого развития, но и способствует взаимо-

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

действию с окружающими людьми. Применение данной системы важно в процессе социализации, так как с детьми, имеющими речевые нарушения, через систему PECS легче найти контакт, а изображения помогают в работе по усвоению материала.

В данной статье рассмотрено влияние системы альтернативной коммуникации PECS на речевое развитие и формирование успешных социально-коммуникативных особенностей, позволяющих преодолеть ряд трудностей социализации. В результате теоретического обзора было выявлено, что в большинстве исследований, которые проведены педагогами и психологами в области специальной психологии, такими как О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинга, системы альтернативной коммуникации PECS показали эффективный результат, позволивший детям улучшить речевые и социальные навыки.

Также в ходе анализа было выявлено, что система альтернативной коммуникации PECS положительно влияет и на решение проблемы эпизодов проблемного обучения. То есть в ходе применения данной системы во время формирования навыков функциональной коммуникации и учащихся уменьшается нежелательное поведение, а к уровню основного общего образования могут вовсе исчезать.

Стоит отметить, что в дальнейшем необходимо провести научно-экспериментальную работу по уровню успешного освоения основных образовательных программ в результате обучения детей с ДЦП в области коммуникации по системе альтернативной коммуникации предметного PECS. Исследования необходимо направить не только на решение проблемы освоения программы, но исследовать, как на данном уровне образования система альтернативной коммуникации предметного PECS уменьшает проблемное поведение и формирует функциональные навыки общения. Также необходимо отметить, что система альтернативной коммуникации PECS развивает и зрительное восприятие ребенка.

Однако, стоит отметить, что для достижения высоких результатов в работе с детьми, имеющими диагноз ДЦП недостаточно использовать систему альтернативной коммуникации PECS только во время пребывания ребенка в образовательном учреждении, необходимо, чтобы данный метод использовался и дома, и в повседневной жизни ребенка (Эрц, 2012).

Благодарности

Авторы статьи благодарят за обучение и наставничество директора детского инклюзивного центра «Моя планета» Ольгу Попову и директора центра абилитации и коррекции поведения и речи «ДобрАВА» Римскую Татьяну Олеговну.

Литература

- Алексеева, Е. И. (2014). Формирование навыков общения с использованием средств альтернативной коммуникации у детей с тяжёлыми и множественными нарушениями развития. *Воспитание и обучение детей с нарушениями развития*, 3.
- Баенская, Е. Р., Никольская О. С., Лебединская К. С. (1997). *Аутичный ребенок: пути помощи*. Москва: ТЕРЕВИНФ.
- Мироненко, Н. В. (2021). Альтернативные средства коммуникации – карточки PECS. *Молодой ученый*, 11 (353), 176–181.
- Нуриева, Л. Г. (2006). *Развитие речи у аутичных детей*. Изд. 2-е. Москва: Теревинф.
- Парамонова, Л. А., Алиева, Т. А., Арушанова А. Г. (1999). Дошкольник в мире диалога – воспитание толерантности. *Дошкольное воспитание*, 5, 70–73.

- Попова, О. А., Филина, Н. М. (2021). Влияние системы альтернативной коммуникации PECS на проявления вокальной речи у детей с аутизмом. *Аутизм и нарушения развития*, 19(2), 23–39.
- Сандберг, М. Л. (2013). *VB-MAPP. Оценка вех развития вербального поведения и построения индивидуального плана вмешательства. Протокол*. Ришон ле-Цион: MEDIAL.
- Сандберг, М. Л., Партингтон, Дж. (2013). *Формирование речевых навыков у детей с аутизмом и иными ограниченными возможностями в развитии*. Pleasant Hill: Partington Behavior Analysts.
- Течнер, С., Мартинсен, Х. (2014). *Введение в альтернативную коммуникацию: жесты и графические символы для людей с двигательными и интеллектуальными нарушениями, а также расстройствами аутистического спектра*. Москва: Теревинф.
- Фрост, Л., Бонди, Э. (2011). *Система альтернативной коммуникации с помощью карточек PECS: Руководство для педагогов*. Москва: Теревинф.
- Эрц, Ю. М. (2012). 10 самых распространенных ошибок при обучении ребенка пользоваться карточками PECS. <http://autism-aba.blogspot.com.by/2012/06/pecs-mistakes.html>
- Bondy, A., Frost, L. (2001). The Picture Exchange Communication System. *Behavior Modification*, 25(5), 725–744. <https://doi.org/10.1177/0145445501255004>
- Bondy, A., Frost, L. (1994). The Picture Exchange Communication System. *Focus on Autistic Behavior*, 9(3), 1–19. <https://doi.org/10.1177/108835769400900301>
- Bondy, A. (2011). *The Pyramid Approach to Education: Guide to functional ABA*. 2nd ed. Newark: Pyramid Educational Consultants.
- Bondy, A. (2012). The unusual suspects: myths and misconceptions associated with PECS. *The Psychological Record*, 62, 789–816. <https://doi.org/10.1007/BF03395836>
- Carpenter, M., Charlop-Christy, M. H. (2000). Verbal and nonverbal communication in children with autism after learning the Picture Exchange Communication System (PECS). *Association for Behavior Analysis Conference* (pp. 1–19). Washington, D.C.
- Skinner, B. F. (1984). Selection by consequences. *Behavioral and Brain Sciences*, 7(4), 477–481. <https://doi.org/10.1017/S0140525X0002673X>

References

- Alekseeva, E. I. (2014). Formation of communication skills using means of alternative communication in children with severe and multiple developmental disorders. *Raising and educating children with developmental disabilities*, 3.
- Baenskaya, E. R., Nikolskaya O. S., Lebedinskaya K. S. (1997). *Autistic child: ways to help*. Moscow: TEREVINF.
- Mironenko, N. V. (2021). Alternative means of communication are PECS cards. *Young Scientist*, 11 (353), 176–181.
- Nurieva, L. G. (2006). *Speech development in autistic children*. Ed. 2nd. Moscow: Terevinf.
- Paramonova, L. A., Alieva, T. A., Arushanova, A. G. (1999). Preschooler in the world of dialogue – education of tolerance. *Preschool Education*, 5, 70–73.
- Popova, O. A., Filina, N. M. (2021). Influence of the PECS system of alternative communication on the manifestations of vocal speech in children with autism. *Autism and Developmental Disabilities*, 19(2), 23–39.
- Sandberg, M. L. (2013). *VB-MAP. Assessment of milestones in the development of verbal behavior and the construction of an individual intervention plan. Protocol*. Riшон Lezion: MEDIAL.
- Sandberg, M. L., Partington, J. (2013). *Formation of speech skills in children with autism and other disabilities development opportunities*. Pleasant Hill: Partington Behavior Analysts.
- Techner, S., Martinsen, H. (2014). *Introduction to Alternative Communication: Gestures and Graphic Symbols for People with motor and intellectual disabilities, as well as autism spectrum disorders*. Moscow: Terevinf.
- Frost, L., Bondy, E. (2011). *Alternative Communication System with PECS Cards: A Guide for teachers*. Moscow: Terevinf.

- Ertz, Y. M. (2012). *Top 10 mistakes when teaching a child to use PECS cards*. <http://autism-aba.blogspot.com.by/2012/06/pecs-mistakes.html>
- Bondy, A., Frost, L. (2001). The Picture Exchange Communication System. *Behavior Modification*, 25(5), 725–744. <https://doi.org/10.1177/0145445501255004>
- Bondy, A., Frost, L. (1994). The Picture Exchange Communication System. *Focus on Autistic Behavior*, 9(3), 1–19. <https://doi.org/10.1177/108835769400900301>
- Bondy, A. (2011). *The Pyramid Approach to Education: Guide to functional ABA*. 2nd ed. Newark: Pyramid Educational consultants.
- Bondy, A. (2012). The unusual suspects: myths and misconceptions associated with PECS. *The Psychological Record*, 62, 789–816. <https://doi.org/10.1007/BF03395836>
- Carpenter, M., Charlop-Christy, M. H. (2000). Verbal and nonverbal communication in children with autism after learning the Picture Exchange Communication System (PECS). *Association for Behavior Analysis Conference* (pp. 1–19). Washington, D.C.
- Skinner, B. F. (1984). Selection by consequences. *Behavioral and Brain Sciences*, 7(4), 477–481. <https://doi.org/10.1017/S0140525X0002673X>

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.4>

Пределные смыслы студентов-психологов: их связь с академической мотивацией

Нина В. Смирнова^{1*}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: nismirnova@sfedu.ru

Аннотация

Введение. В данной работе будут исследоваться предельные смыслы студентов-психологов и их соотношение с академической мотивацией. Несомненно, качество учебной деятельности зависит от академической мотивации. Однако академическая мотивация — это в том числе внешнее выражение предельных смыслов человека, которые зачастую остаются неосознаваемыми. Возникает вопрос, какие предельные смыслы лежат в основе учебной деятельности студентов. Цель исследования — изучить содержание предельных смыслов студентов-психологов и выяснить как они соотносятся с их академической мотивацией к учебной деятельности. Методы. В ходе исследования было опрошено 25 студентов-психологов Южного федерального университета. Все респонденты женщины, от 17 лет до 21 года. Для исследования применялись следующие методики: ШАМ (Шкала академической мотивации), тест мотивации достижения (ТМД), методика предельных смыслов. Результаты. Методика «ШАМ» — выявила высокую академическую мотивацию студентов-психологов, прошедших исследование. Высокие показатели так же проявились в шкалах: познавательной мотивации и мотивации саморазвития. Методика Тест мотивации достижения, ТМД выявила у студентов-психологов средний уровень мотивации достижения. Исследование выявило определенное соотношение между содержанием предельных смыслов студентов-психологов и их академической мотивацией. Студенты имеющие смысложизненные ориентации на саморазвитие и познание отличаются высокой академической мотивацией. Обсуждение результатов. Полученные данные согласуются с мнением авторов ранее изучавших влияние смысложизненных ориентаций на мотивационную сферу студентов.

Ключевые слова

мотивация, академическая мотивация, студенты, студенты-психологи, смысл, предельные смыслы, учебная деятельность

Для цитирования

Смирнова Н. В. Предельные смыслы студентов-психологов: их связь с академической мотивацией. Северо-Кавказский психологический вестник, 21(2), 37–44. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.4>

Ultimate Meanings of Psychology Students: Connection with Academic Motivation

Nina V. Smirnova^{1*}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* E-mail: nismirnova@sfedu.ru

Abstract

Introduction. This paper will explore the ultimate meanings of psychology students and their relationship with academic motivation. Undoubtedly, the quality of learning activities depends on academic motivation. However, academic motivation is also an external expression of the ultimate meanings of a person, which often remain unconscious. The question arises of what ultimate meanings underlie the learning activities of students. The purpose of the study is to study the content of the ultimate meanings of psychology students and find out how they relate to their academic motivation for learning activities.

Methods. In the course of the study, 25 psychology students from the Southern Federal University were interviewed. All respondents are women, aged 17 to 21. The following methods were used for the study: SAM (Scale of Academic Motivation), Achievement Motivation Test (ATM), the method of ultimate meanings. **Results.** The SHAM method revealed the high academic motivation of psychology students who underwent the study. High rates also appeared in the scales: cognitive motivation and self-development motivation. The Achievement Motivation Test, TMT, revealed an average level of achievement motivation among psychology students. The study revealed a certain relationship between the content of the ultimate meanings of psychology students and their academic motivation. Students with meaningful life orientations towards self-development and cognition are distinguished by high academic motivation. **Discussion.** The obtained data are consistent with the opinion of the authors who previously studied the influence of meaningful life orientations on the motivational sphere of students.

Keywords

motivation, academic motivation, students, psychology students, meaning, ultimate meanings, learning activities

For citation

Smirnova N. V. (2023). Ultimate Meanings of Psychology Students: Connection with Academic Motivation. North-Caucasian Psychological Bulletin, 21(2), 37–44. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.4>

Введение

Каждый человек в свое время сталкивается с выбором учебного заведения и в последствии профессии. В процессе этого сложного выбора важно грамотно взвесить все за и против, максимально прислушаться к себе и понять какая специальность ближе всего вашему уму и сердцу. Ведь учебная мотивация имеет большое значение для успешного обучения студента, об этом пишут в своей статье О. О. Разуваева и Ю. В. Клепач (2016).

В. А. Грекова (2008) замечает, что чем осознаннее выбор учебного заведения и специальности, тем выше познавательная и достигаемая мотивация. Г. В. Михайлова, Т. С. Хныкина указывают что «мотивация учебной деятельности — это побудительная сила трудовой деятельности и поведения на основе глубокой личной заинтересованности и вовлеченности в ее осуществление» (Михайлова, Хныкина, 2017). Более детально особенности формирования учебной мотивации раскрывают Ж. Юлдашев, О. Отахонов (2019) в своей статье «Особенности формирования учебной мотивации». Согласно Е. Смирновой (2009), развитие профессиональной мотивации играет важнейшую роль в становлении специалиста в вузе, и оно не является менее важной задачей, чем другие аспекты этого процесса. В современных условиях особое значение приобретают гуманные воздействия, способствующие развитию академической мотивации студентов (Берберян, Григорян, 2020).

Исследованию мотивации посвятили свои труды многие научные деятели, такие как: Р. Ассаджоли, А. Маслоу (1999), К. Роджерс и т. д. (Сельченко, 2000). Несмотря на, казалось бы, достаточную освещенность данного вопроса, изучение особенности мотивации студентов остается актуальным.

Глубинные смыслы играют важную роль в мотивации студентов-психологов, и помогают им понимать ценность обучения и в дальнейшем своей работы. В отечественной психологии существует значительный интерес к проблеме предельных смыслов, что подтверждается многочисленными исследованиями таких авторов, как А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев. В работе J. Smith (2019) было проведено теоретическое исследование конструкта "смысл" и его формирования с использованием интерпретативного феноменологического анализа. Согласно нашей гипотезы, чем выше соответствие выбора учебного заведения с предельными смыслами студента, тем выше будет его академическая мотивация.

Методы

В ходе исследования было опрошено 25 студентов-психологов Южного федерального университета, обучающихся на факультете психологии. Возраст испытуемых составил от 17 лет до 21 года, все участники женского пола, обучающиеся на 1 и 3 курсе.

В нашем исследовании мы применили три различные методики для измерения академической мотивации. Первой из них была методика ШАМ (Шкала академической мотивации), разработанная Т. О. Гордеевой, О. А. Сычевым и Е. Н. Осиным в 2014 году, основанная на Шкале академической мотивации Валлеранда (Гордеева, Сычев, Осин, 2014). Эта методика позволяет оценить интенсивность и тип мотивации в учебной деятельности.

Вторая методика – тест мотивации достижения (ТМД), в адаптации М. Ш. Магомед-Эминова (1988). Он предназначен для диагностики двух обобщенных устойчивых мотивов личности: мотива стремления к успеху и мотива избегания неудач (А. Мехрабиан (A. Mehrabian, 1976).

Третьей была выбрана методика предельных смыслов (Леонтьев, 1999). Методика предельных смыслов представляет собой оригинальный подход, который сочетает индивидуальную форму проведения и диалогическую природу. Ее уникальность заключается в том, что для ее осуществления не требуется специального оборудования или бланков, достаточно всего лишь карандаша и бумаги, на которые экспериментатор будет записывать ход диалога. Методическая процедура представляет собой структурированную последовательность вопросов и ответов, которая помогает исследователю получить уникальный и глубокий взгляд на смысловую сферу участника исследования. Такой подход позволяет учесть индивидуальные особенности каждого участника и создать комфортную атмосферу для исследования смысловых конструктов. Благодаря своей простоте и гибкости, методика предельных смыслов открывает возможности для более глубокого исследования смысла и его влияния на жизнь и поведение людей. Конкретно в нашем исследовании студентам был задан вопрос «Зачем люди поступают на психологический факультет?».

Таким образом, использование различных методик позволило нам получить подробную информацию об академической мотивации студентов и проанализировать ее взаимосвязь с их предельными смысловыми ориентациями.

Результаты

Анализ методики ШАМ (шкала академической мотивации)

Шкала познавательной мотивации показала высокую заинтересованность студентов в обучении. Так в 33% случаев отметка по данной шкале достигла 20 баллов из 20 возможных и лишь 6,7% отметили минимальный балл. Шкала мотивации достижения выявила у студентов 33% низкий балл и 59% средний балл.

Шкала мотивации саморазвития показала высокий показатель у большинства студентов (59,9%). Высокий балл по этой шкале говорит о том, что человек стремится к личностному и духовному росту, самосознанию и самопознанию. Шкала мотивация самоуважения показала высокий уровень у 39,9% респондентов, остальные студенты отметили низкую (20,1%) и среднюю (40%) мотивацию самоуважения. Низкая мотивация самоуважения может говорить о том, что у человека низкий уровень уверенности в своих силах, низкая самооценка и самодостаточность. В шкале интроецированной мотивации студенты практически в равной мере отметили низкий (33,5 %), средний (33,5%) и высокий уровень (33%). Шкала экстерналированной мотивации в 53,6% случаев показала низкий уровень, и лишь в 6,7% высокий. Шкала амотивации в большинстве случаев (66,7%) показала у студентов низкий уровень.

Результаты по методике «Тест мотивации достижения»

Методика выявила у большинства респондентов средний балл мотивации достижения. Средний балл по Тесту мотивации достижения, означает, что человек может иметь некоторые цели и желания, но не иметь мощного стимула для достижения этих целей.

Анализ результатов методики «Предельные смыслы»

В ходе исследования были опрошены студенты по методике предельных смыслов, перед ними стоял вопрос «Зачем люди поступают на психологический факультет?».

Студенты давали очень осмысленные, развернутые рефлексивные ответы на поставленных вопрос.

У 25 испытуемых суммарное количество ответов – 87. Ответы испытуемых были распределены на категории. Среди них удалось выделить сферы жизнедеятельности, к которым они относятся. Список категорий следующий:

1. Самоактуализация и саморазвитие;
2. Познание (получение новой информации, расширение кругозора);
3. Социальный статус и престиж;
4. Получение опыта, умений и навыков;
5. Овладение профессией (становление профессионалом своего дела);
6. Удовлетворение материальных потребностей (в т.ч. денежное обеспечение);
7. Удовлетворение психологических потребностей (в т.ч. уверенность в будущем, желание самоутвердиться);
8. Установление контактов с людьми и социализация.

Также был проведен подсчет единиц каждой из категорий и расчет удельного веса каждой из смысловых категорий, представленный в таблице в порядке от наиболее встречаемых (Таб.1).

Таблица 1

Смысловые категории и их удельный вес

	Количество найденных единиц	Удельный вес категории (%)
Саморазвитие и самоактуализация	22	25,29%
Познание	20	22,99%
Удовлетворение психологических потребностей	13	14,94%
Установление контактов с людьми и социализация	10	11,49%
Овладение профессией	9	10,34%
Социальный статус и престиж	8	9,2%

	Количество найденных единиц	Удельный вес категории (%)
Получение опыта, умений и навыков	3	3,45 %
Удовлетворение материальных потребностей	2	2,3%

Вышеприведенные сферы жизнедеятельности, которые выступают причиной для получения студентами высшего образования в сфере психологии. Среди них всех особо выделяются такие показатели как саморазвитие – 25,29% и познание 22,99%. Хочется отметить, что потребность в саморазвитии и познании тесно связаны, так как саморазвитие может быть достигнуто только через постоянное познание.

Обсуждение результатов

Предельные смыслы студентов-психологов, как показало исследование, действительно соотносятся с академической мотивацией студентов-психологов. Эти данные так же подтверждаются в статье Макаровой М. Н. и Коротких М.А (2017). Кроме того, мы можем предположить, осознание свои смыслов может быть связано с осознанностью своей субъектности, которая, выяснили А. С. Писарев, М. Г. Голубчикова, А. С. Косогова (2023) связана с академической мотивацией.

Чаще всего студенты с направленностью на саморазвитие и познание имеют высокую мотивацию к обучению. Именно эти направленности в своей статье отмечает И. А. Алексеенко (2017), как ключевые в процессе субъектного образовательного развития личности. Они испытывают интерес и удовлетворение от процесса обучения, а не только от получения оценок или признания. Как отмечает Gerardy Н. (2015) высокая мотивация к обучению у таких студентов может привести к лучшим результатам в учебе и более успешной карьере в будущем. О необходимости понимания смысла в обучении для студентов пишет Н. D. Mason (2017). По данным автора, наличие смысла является важным фактором повышения успеваемости студентов. Исследование, проведенное N. Sullivan (2019), показало связь между созданием смысла и процессом адаптации в учебном заведении среди военнослужащих-ветеранов, которые обучались в колледже. Регрессионный анализ подтвердил влияние наличия смысла на успехи студентов. Авторы работы отмечают, что осознание факторов, связанных с военной службой и вызывающих стресс, помогает достичь высокой академической успеваемости, а также социальной и эмоциональной адаптации в колледже.

М. Е. Edwards, D. R. Van Tongeren (2020) отмечают, что предельные смыслы плотно связаны с переживанием субъективного благополучия индивида.

Заключение

В данном исследовании изучалась мотивация студентов-психологов Южного федерального университета, и её соотнесенность с содержанием предельных смыслов.

Достаточно высокие уровни различных видов академической мотивации студентов-психологов и преобладающим содержанием в предельных смыслах категорий самопознания и познания может быть интерпретирована следующим образом. Если студенты имеют высокую мотивацию саморазвития, они могут быть более склонными к поиску новых знаний и опыта, что, в свою очередь, может при-

вести к актуализации ценности познания в тесте предельных смыслов. Так же, если студенты обладают высокими показателями познавательной мотивации, они могут быть более склонными к анализу и рефлексии, что, в свою очередь, также может привести к большому количеству категорий в тесте предельных смыслов, которые связаны с самопознанием. Вместе с тем, у студентов с низким уровнем мотивации самоуважения и экстернальной мотивации возникает риск, что они могут испытывать трудности при принятии и реализации принятых ими (или наложенных извне) учебных задач и трудности с осознанием своих глубинных смыслов обучения.

Литература

- Берберян А. С., Григорян А. А. (2020). Исследование технологий гуманных воздействий преподавателя с целью развития мотивации студентов. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 3(2):22–31.
- Разуваева, О. О., & Клепач, Ю. В., (2016). Особенности конкурентоспособности и учебной мотивации студентов различных специальностей. *IN SITU*, 6, 68–70.
- Грекова, В. А. (2008). Психология учебной мотивации обучающихся. Учебная мотивация: основные теории и подходы. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 6(3) 45–51.
- Михайлова, Г. В., & Хныкина, Т. С. (2017). Влияние учебной мотивации на учебный процесс в вузе. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, 1 (19), 225–231.
- Маслоу, А. (2019). *Мотивация и личность*. 3-е изд. СПб.: Питер.
- Сельченко, К. В. (2000). *Гуманистическая и трансперсональная психология: хрестоматия*. Минск: Харвест; Москва: АСТ.
- Макарова, М. Н., & Коротких, М. А. (2017). Взаимосвязь учебной мотивации студентов с их академическими характеристиками и ценностными ориентациями. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 1 (3), 294–301.
- Писарев, А. С., Голубчикова, М. Г. & Косогова А. С. (2023). Исследование взаимосвязи субъектности и академической мотивации студентов вуза. *Мир науки, культуры, образования*, 3 (100), 317–320. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-3100-317-320>
- Юлдашев, Ж. & Отахонов, О. (2019). Особенности формирования учебной мотивации. *Экономика и социум*, 5 (60), 1372–1374.
- Магомед-Эминов, М. Ш., (1983). Личность и экстремальная жизненная ситуация. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 26–35.
- Гордеева, Т. О., Сычев, О. А. & Осин, Е. Н (2014). Опросник «Шкалы академической мотивации». *Психологический журнал*. 35, 4, 96–107.
- Smith, J. A., (2019). Participants and researchers searching for meaning: Conceptual developments for interpretative phenomenological analysis. *Qualitative Research in Psychology*, 16(2), 166–181. <https://doi.org/10.1080/14780887.2018.1540648>
- Gerardy, H., Mounts, N. S., Luckner, A. E., & Valentiner, D. P. (2015). Mothers Management of Adolescent Peer Relationships: Associations with Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior. *The Journal of Genetic Psychology*, 176(5), 299–314. <https://doi.org/10.1080/00221325.2015.1066746>
- Леонтьев, Д. А., (2014). Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. «Мир психологии», 1, 104–117.
- Mason, H. D., (2017). Sense of meaning and academic performance: A brief report. *Journal of Psychology in Africa*, 27(3), 282–285. <https://doi.org/10.1080/14330237.2017.1321860>
- Sullivan, N., Freer, B. D., & Ulrich, S., (2019). Student veterans and adjustment to college: Making meaning of military experiences. *Journal of American College Health*, 6(3). <https://doi.org/10.1080/07448481.2019.1683017>
- Edwards, E., Van Tongeren, R., (2020). Meaning mediates the association between suffering and well-being. *The Journal of Positive Psychology*, 15(6), 722–733. <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1651890>

References

- Berbery A. S., Grigoryan A. A. (2020). The study of the technology of humane teacher influences for the development of student motivation. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 3(2):22–31. (In Russ.)
- Edwards, E., Van Tongerend, R., (2020). Meaning mediates the association between suffering and well-being. *The Journal of Positive Psychology*, 15(6), 722–733. <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1651890>
- Gerardy, H., Mounts, N. S., Luckner, A. E., & Valentiner, D. P. (2015). Mothers Management of Adolescent Peer Relationships: Associations with Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior. *The Journal of Genetic Psychology*, 176(5), 299–314. <https://doi.org/10.1080/00221325.2015.1066746>
- Gordeeva, T. O., Sychev, O. A. & Osin, E. N (2014). Questionnaire "Scales of Academic Motivation". *Psychological journal*. 35, 4, 96–107.
- Grekova, V. A. (2008). Psychology of educational motivation of students. Learning motivation: basic theories and approaches. *North Caucasian Psychological Bulletin*, 6(3) 45–51.
- Leontiev, D. A., (2014). Meaning formation and its contexts: life, structure, culture, experience. "The World of Psychology", 1, 104–117.
- Magomed-Eminov, M. Sh., (1983). Personality and extreme life situation. *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 4, 26–35.
- Makarova, M. N., & Korotkikh, M. A. (2017). Interrelation of educational motivation of students with their academic characteristics and value orientations. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*, 1(3), 294–301.
- Maslow, A. (2019). *Motivation and personality*. 3rd ed. SPb.: Piter.
- Mason, H. D., (2017). Sense of meaning and academic performance: A brief report. *Journal of Psychology in Africa*, 27(3), 282–285. <https://doi.org/10.1080/14330237.2017.1321860>
- Mikhailova, G. V., & Khnykina, T. S. (2017). The influence of educational motivation on the educational process at the university. *Innovative Economics: Prospects for Development and Improvement*, 1 (19), 225–231.
- Pisarev, A. S., Golubchikova, M. G. & Kosogova, A. S. (2023). Study of the relationship between subjectivity and academic motivation of university students. *World of Science, Culture, Education*, 3(100), 317–320. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-3100-317-320>
- Razuvaeva, O. O., & Klepach, Yu. V., (2016). Features of competitiveness and educational motivation of students of various specialties. *IN SITU*, 6, 68–70.
- Selchenok, K. V. (2000). *Humanistic and transpersonal psychology: a reader*. Minsk: Harvest; Moscow: AST.
- Smith, J.A., (2019). Participants and researchers searching for meaning: Conceptual developments for interpretative phenomenological analysis. *Qualitative Research in Psychology*, 16(2), 166–181. <https://doi.org/10.1080/14780887.2018.1540648>
- Sullivan, N., Freer, B. D., & Ulrich, S., (2019). Student veterans and adjustment to college: Making meaning of military experiences. *Journal of American College Health*, 6(3). <https://doi.org/10.1080/07448481.2019.1683017>
- Yuldashev, J. & Otakhonov, O. (2019). Features of the formation of educational motivation. *Economics and Society*, 5(60), 1372–1374.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.5>

Психологические особенности несовершеннолетних преступников: возможности психологической диагностики

Екатерина А. Степанюк^{1*}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*E-mail: estepanyuk@sfedu.ru

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос о психологических особенностях преступности несовершеннолетних. Актуальность обуславливается увеличением подростковых правонарушений одиночно и в группах и необходимостью психологической работы по их профилактике. Несовершеннолетние правонарушители – это большая проблема в нашем обществе. Они могут стать угрозой для окружающих и самих себя, а также могут стать причиной социальных проблем. В разделе **«Теоретическое обоснование»** автор анализирует типы несовершеннолетних преступников, объективные и субъективные причины преступлений, факторы и условия причин, из-за которых подросток может встать на путь правонарушений и как формируются различные подростковые преступные и противоправные группировки. Рассмотрен вопрос как влияет организация досуга детей и подростков на формирование системы жизненных ориентаций и что из этого следует. Были обозначены основные методы по выявлению подростков «группы риска», которые были созданы такими исследователями как: Сурикова, Кеттел, Кук-Медлей, Орел и др. Методы направлены для диагностики определения личности, склонности к различным формам девиантного и саморазрушительного поведения, поиска ощущений, враждебности, поведения в трудных ситуациях. Рассмотрены способы профилактики в работе с ними, включая комплексы мер для данного мероприятия и способы профилактики групп. В разделе **«Обсуждение результатов»** автор приходит к выводу о том, что молодые люди, не являющиеся зрелыми личностями, имеют большую податливость на манипуляции преступных группировок и взрослых, которые занимаются преступлениями. Понимание психологических особенностей несовершеннолетних преступников является важным шагом в борьбе с подростковой преступностью. Необходимо оказывать систематическую помощь детям и подросткам, которые подвержены риску встать на путь правонарушений, а также создавать условия для предупреждения таких ситуаций. Поскольку

данная проблема остается одной из наиболее актуальных в нашем обществе, работа с ней должна быть постоянной и всесторонней.

Ключевые слова

преступность несовершеннолетних, антисоциальное поведение, подростковый возраст, группы, авторитет, семейная среда, образовательная среда

Для цитирования

Степанюк Е. А. Психологические особенности несовершеннолетних преступников: возможности психологической диагностики. Северо-Кавказский психологический вестник, 21(2), 45–59. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.5>

Psychological Characteristics of Juvenile Delinquents: Possibilities of Psychological Diagnostics

Ekaterina A. Stepanyuk^{1*}

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

*E-mail: estepanyuk@sfedu.ru

Annotation

The article considers the issue of the psychological features of juvenile delinquency. The urgency is caused by an increase in juvenile delinquencies singly and in groups and the need for psychological work to prevent them. Juvenile delinquents are a big problem in our society. They can become a threat to others and themselves and can also cause social problems. In the section «**Theoretical justification**», the author analyzes the types of juvenile delinquents, objective and subjective causes of crimes, factors, and conditions of causes due to which a teenager can embark on the path of offenses and how various juvenile criminal and illegal groups are formed. The question of how the organization of leisure activities of children and adolescents affects the formation of a system of life orientations and what follows from this is considered. The main methods for identifying adolescents of the «risk group» were identified, which were created by such researchers as: Surikova, Kettel, Cook-Medley, Orel, etc. The methods are aimed at diagnosing personality determination, propensity to various forms of deviant and self-destructive behavior, search for feelings, hostility, behavior in difficult situations. Methods of prevention in working with them are considered, including sets of measures for this event and methods of prevention of groups. In the section «**Discussion**», the author comes to the conclusion that young people who are not mature individuals have a greater susceptibility to manipulation by criminal groups and adults who are engaged in crimes. Understanding the psychological characteristics of juvenile delinquents is an important step in the fight against juvenile

delinquency. It is necessary to provide systematic assistance to children and adolescents who are at risk of taking the path of offenses, as well as create conditions for the prevention of such situations. Since this problem remains one of the most urgent in our society, the fight against it must be constant and comprehensive.

Keywords

juvenile delinquency, antisocial behavior, adolescence, groups, authority, family environment, educational environment

For citation

Stepanyuk E. A. (2023). Psychological Characteristics of Juvenile Delinquents: Possibilities of Psychological Diagnostics. North-Caucasian Psychological Bulletin, 21(2), 45–59. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.5>

Введение

Актуальность данной темы заключается в том, что преступность несовершеннолетних является одним из видов социально значимых преступлений и остается достаточно распространенным явлением в современной России. Несмотря на значительное снижение количества осужденных несовершеннолетних в последние годы, согласно статистике Судебного департамента, в 2021 году осудили 14 855 несовершеннолетних россиян, что всё еще является довольно значительным числом.

Совершение правонарушений несовершеннолетними имеет особенности, связанные с физическим, психическим и нравственным развитием социально незрелой молодежи. Преступность взрослых и преступность несовершеннолетних тесно взаимосвязаны, поскольку подростки этого возраста, вставшие путь совершения преступлений, становятся резервом для преступной деятельности во взрослом возрасте.

В России наблюдается изменение криминального поведения: увеличивается количество запланированных и мотивированных взрослыми преступлений. В этом случае обществу необходимо принимать меры по предотвращению таких преступлений. После проведения своевременной профилактики появляется возможность вмешаться в процесс трансформации личности и направить его на закрепление положительных качеств.

Теоретическое обоснование

Преступность несовершеннолетних определяется как совокупность правонарушений, ответственность за которые наступает до достижения совершеннолетия лицами в возрасте от 14 до 17 лет, совершившими эти преступления на определенной территории (город, район, область, страна) в определенный период времени (месяц, квартал, год, пять лет и т.д.) с количественно-качественными характеристиками.

В. Е. Эминов выделяет четыре возрастные категории несовершеннолетних преступников в России: 14, 15, 16 и 17 лет. Наибольшее количество преступлений совершают подростки 16–17 лет (Эминов, 2017). Согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности за преступления, предусмотренные настоящей частью, подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. Как правило, у головной ответственности может быть привлечено лицо,

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

достигшее шестнадцатилетнего возраста (УК РФ, 1996). Так, этот период определяет судьбу каждого подростка, поскольку в этом возрасте происходит формирование характера и становление личности человека.

Структурный анализ преступности несовершеннолетних является важной задачей для криминологов, так как он позволяет выявить особенности и причины правонарушений, совершаемых молодыми людьми. Несмотря на то, что данный анализ применяется к ограниченному числу видов правонарушений, он является важным инструментом для разработки эффективных мер по предотвращению и борьбе с преступностью несовершеннолетних. Одним из основных результатов структурного анализа является выявление наиболее распространенных видов правонарушений среди несовершеннолетних. Как показывают исследования, наиболее часто совершаемыми преступлениями являются кражи личного имущества, хулиганство и причинение тяжких телесных повреждений.

По Ю. А. Агафонову, для это возрастной категории характерны чрезмерные категоричные суждения, эмоциональная неустойчивость и неспособность спрогнозировать ситуации и результаты, учитывая все обстоятельства. Преступные действия совершаются с особой озлобленностью и жестокостью по отношению к жертве (Агафонов, 2007).

Среда жизни и воспитания ребенка сочетает в себе две противоположные тенденции по своему качественному влиянию на личность. То есть, она может положительно влиять на личность и способствовать развитию положительных качеств и правовой культуры, а может сделать человека уязвимым перед неблагоприятными внешними условиями и криминогенными ситуациями.

Повышенная опасность для общества возникает, когда подросток совершает противоправные и антисоциальные действия, в основном несовершеннолетние к ним тщательно подготавливаются, из-за максимализма повышается изоционность и дерзость. Важно понимать, что групповая преступность легче поддается выявлению, что позволяет реально видеть и знать, с кем и как бороться, если оценивать это с позиции борьбы с преступностью.

А. В. Кудрявцев утверждает, что большинство несовершеннолетних правонарушителей – это люди, у которых уже сформировались привычки, наклонности и устойчивые стереотипы антисоциального поведения. Только некоторые из них совершают преступления случайно. Для остальных характерны следующие черты:

- постоянное проявление пренебрежения к нормам общественного поведения (например, матерные выражения, появление в нетрезвом виде, домогательства к людям, порча общественного имущества и т. д.);
- склонность к негативным питейным привычкам и традициям, любовь к алкоголю, наркотикам и азартным играм; бродяжничество, побеги из дома, школы и других учебных заведений, которые становятся системными; ранние сексуальные отношения и распущенность;
- систематические проявления гнева, мстительности, грубости и агрессивного поведения, даже в мирных ситуациях;
- создание конфликтных ситуаций и постоянные ссоры в семье, терроризирование родителей и других членов семьи;
- враждебное отношение к другим малым группам, которые выделяются своей успеваемостью и дисциплинированным поведением;

– привычка безнаказанно забирать все, что можно забрать у слабого (Кудрявцев, 1997).

По мнению В. Н. Бурлакова, для подростков, вступивших на путь правонарушений, присущи многочисленные случаи грабежей, вымогательств, разбоев и краж. Выборочные исследования показывают, что около 70% несовершеннолетних преступников, осужденных за кражи, совершают более одного преступления в период уголовного преследования (Бурлаков, 2003).

В то же время А. А. Бакаев отметил, что преступность несовершеннолетних характеризуется высоким показателем скрытности, однако сюда не входят причины, связанные с низкой раскрываемостью, возрастом, когда начинается уголовная ответственность и изменениями в законах. Высокий показатель латентности обусловлен тем фактом, что о совершении большого количества преступлений, которые совершаются подростками в семье или в учебном коллективе не узнают правоохранительные органы. Это происходит потому, что родители не будут говорить на своего ребенка, защищая его и себя, т. е. ответственность за преступление, которое совершил несовершеннолетний, несут и его родители. Если же, действительно, есть угроза жизни, имуществу, здоровью, то заявления поступают в правоохранительные органы от членов семьи (Бакаев, 2009).

Есть две основные причины, по которым учебные заведения не сообщают в полицию. С одной стороны, потому что они считают, что действия, совершенные учащимися, не являются общественно опасными, а с другой стороны, потому что они пытаются сохранить иллюзию благополучия в коллективном контексте учебного заведения. В то же время на эту ситуацию во многом влияет недоверие семьи, образовательных учреждений и населения в целом к деятельности правоохранительных органов.

Многие преступления совершаются несовершеннолетними против таких же сверстников. Однако неверные представления о товариществе, долге и чести, а в некоторых случаях страх перед возмездием со стороны преступника заставляют молодых людей скрывать эти факты.

Так, В. Е. Эминов выделяет следующие признаки преступности несовершеннолетних:

- 1) значительная часть преступлений совершается в отношении членов семьи, родственников, знакомых;
- 2) жертвы также являются несовершеннолетними и часто принадлежат к семейному кругу преступника;
- 3) большинство правонарушений являются так называемыми уличными преступлениями, а сами правонарушения преимущественно квалифицируются как хулиганство;
- 4) примерно половина всех правонарушений совершается подростками после двадцати двух часов вечера;
- 5) преступления совершаются группами;
- 6) в преступной группе несовершеннолетних правонарушителей есть взрослые лидеры, имеющие уголовную судимость;
- 7) необоснованная жестокость при совершении правонарушений (Эминов, 2017).

В последние годы правонарушения несовершеннолетних становятся все более независимыми от правонарушений взрослых, особенно в результате их возросшего

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

желания и возможности жить финансово независимо от взрослых. В результате молодежные антисоциальные объединения становятся все более разнообразными. Растет конфликт интересов между несовершеннолетними, молодежью и взрослыми преступными группировками в вопросах контроля за производством и продажей наркотиков, проституцией и т.д. Для организации индивидуального предупреждения преступности подростков, полезно разделить несовершеннолетних преступников на типы.

Так, согласно одной из типологий, используемых в криминологии, Н. Ф. Кузнецова выделяет следующие типы:

- **случайный:** совершение преступлений в результате случайной ситуации, например, по неосторожности или неподготовленности к противодействию ситуации, в отличие от общей позитивной направленности личности;
- **ситуационный:** совершение преступления из-за зависимости, ведомости, в связи с неустойчивой общей направленности личности;
- **неустойчивый:** характеризуется негативной направленностью личности, но не на уровне постоянного предпочтения преступного поведения другим альтернативным путям;
- **злостный:** устойчивая, доминирующая и агрессивная антисоциальная направленность личности, которая в основном определяет общее поведение молодого человека (Кузнецова, 1998).

Определив понятие, виды и типы правонарушений несовершеннолетних, можно сделать вывод, что это особый вид преступления, являющийся составной частью общеуголовной преступности, для которого характерны определенные признаки и высокий уровень скрытности, а также структурные особенности, обусловленные главным образом характеристикой соматического, психического и нравственного развития несовершеннолетних, в том числе их социальной незрелостью.

Говоря о преступности несовершеннолетних, следует понимать, что существуют причины, которые Н. Ф. Кузнецов объясняет через экономические, политические, правовые и семейно-психологические факторы, которые оказывают влияние на количество возникающих правонарушений (Кузнецов, 1984).

Р. А. Баймурзаева разделила причины на объективные и субъективные. Субъективные причины преступлений несовершеннолетних могут быть определены как элементы социальной психологии подростков, противоречащие установленным нормам права и запретов, общепризнанной морали и нравственности. Объективные причины преступлений несовершеннолетних – это конкретные проблемы в общественном бытии, экономике и социальной жизни людей (Баймурзаева, 2006).

Семейное неблагополучие проявляется и в таком негативном явлении, как беспризорность и безнадзорность несовершеннолетних. Несмотря на деятельность многочисленных субъектов по предупреждению этого негативного социального явления его уровень остаётся высоким. Основными видами заработков являются попрошайничество, воровство, подсобная работа на рынке, проституция для обоих полов, участие в криминальных группах от распространения наркотиков до группового разбоя.

В качестве важных семейных криминогенных факторов Ю. М. Антонян относит следующие: во-первых, негативные процессы в семье, где имеется нежелание оказывать ребенку необходимую помощь, а также эмоциональное тепло, во-вторых, жестокое обращение, оскорбление, пренебрежение и изгнание из дома, негативный пример старших, с которыми есть эмоциональный контакт.

Также, следует отметить, что у многих осужденных родственники находились в местах лишения свободы, употребляют спиртные напитки, имеют наркотическую зависимость. Как следствие, дети в таких семьях убегают из дома из-за сложных семейных отношений, сопровождающихся скандалами и насилием со стороны родителей. Несовершеннолетний легче вовлекается в преступную среду, если один из родителей или близких родственников содержится в местах лишения свободы, дома распивают алкогольные напитки, происходят драки, ссоры. Он видит это и выбирает для себя соответствующую линию поведения (Антонян, 2019).

В своем исследовании С. С. Рыжаков отмечает, что еще одной важной причиной подростковой преступности является ухудшение экономического положения населения, которое стало постоянной тенденцией. Снижение уровня жизни больше всего сказывается на подростках, так как несовершеннолетние составляют наиболее "уязвимый" сегмент общества. Одним из негативных последствий экономического кризиса является сокращение занятости населения, что приводит к безработице и снижению доходов и существенно влияет на экономическое положение семей. Невозможность легально заработать деньги приводит многих молодых людей к совершению правонарушений. Многие молодые люди выбирают «улицы», чтобы заработать на жизнь. Это часто негативно сказывается на их общем развитии и обучении. Некоторые сами бросают школу, других исключают из-за плохой успеваемости (Рыжаков, 2009). В результате большая группа молодежи оказывается предоставленной самой себе, не учится и не занимается официальной работой. Таким образом, социализация молодых людей происходит не в семье или дома, а в неформальных группах сверстников.

Группы оказывают большое влияние на жизнь молодых людей, особенно при отсутствии эмоциональных связей с родителями, при неадекватном школьном образовании, так что неформальные малые группы сверстников являются единственными контактными группами в жизни молодого человека. Личность несовершеннолетнего преступника характеризуется, прежде всего, социальной и психологической незрелостью, несформированностью идеалов и целей. Несовершеннолетний преступник еще не знает и не понимает, чего он или она стоит как личность. Поэтому они могут согласиться на совершение преступлений, особенно если их предлагает группа или человек, пользующийся большим уважением или авторитетом. Их принимают и понимают, и группа становится своего рода семьей.

Уровень групповых преступлений, совершаемых детьми, в два-три раза превышает уровень групповых преступлений, совершаемых взрослыми, и имеет тенденцию к росту. Усиливается корыстный характер, при котором несовершеннолетние в группах совершают преимущественно тяжкие преступления, преобладают группы предварительного сговора из двух-четырех человек, а взрослые правонарушители имеют тенденцию к усилению своего влияния на преступность несовершеннолетних.

Е. А. Арманова отмечает, что крайние формы вымогательства и умышленные убийства также распространены в делах о вымогательстве. Взрослые организаторы преступных групп играют роль «воспитателей», обучая несовершеннолетних психологии «зоны», воровскому жаргону, как запутать следствие и как вести себя в суде, как воздействовать на потерпевших и свидетелей, чтобы они давали нужные показания. В последние годы стала отчетливо видна специализация несовершеннолетних преступных групп (кражи со взломом, грабежи, разбои и т.д.). Они стали более безжалостными и используют оружие и различные средства передвижения для совершения своих преступлений. (Арманова, 2009).

К. Е. Игошев считает, что одной из специфических причин подростковой преступности на современном этапе жизни общества является катастрофическое положение с организацией досуга детей и молодежи по месту жительства, что влияет на формирование системы ценностных ориентаций. Определенную роль в этом, как и в формировании мировоззрения, играет массовая коммуникация. Через массовую коммуникацию в молодежную среду проникают повседневные стандарты поведения, не совместимые с ценностями цивилизованного общества, такие как поклонение власти, жестокость, наркотики, сексуальная распущенность, которые считаются нормой для современной молодежи (Игошев, 2009).

Так, выделив различные причины и условия возникновения преступности несовершеннолетних, из всего вышесказанного следует, что причинами могут являться как субъективные, так и объективные влияния на личность несовершеннолетнего.

Негативные показатели подростковой преступности в последние годы – это актуальная проблема не только в нашей стране, но и в большинстве государств мира. Диагностика несовершеннолетних важна, поскольку они не становятся внезапно в момент совершения преступления преступниками, все антисоциальные свойства его личности формируются задолго до правонарушения.

Условия, которые необходимо соблюсти во время диагностики:

1. Детальное исследование характера и особенностей личности подростка;
2. Выявление антисоциальных свойств личности несовершеннолетнего и создание установки на изменения;
3. Способность адекватно и позитивно формировать представления своего будущего и ориентация на ценности;
4. Организация совместной работы специалистов.

Один из главных методов – это наблюдение, он служит для оценки поведения подростка: склонности к конфликтам, возбудимости, враждебности, импульсивности и т. д. Для продуктивного использования этого метода подойдет «Карта наблюдений несовершеннолетних». В ней рассматривается его учебная деятельность, взаимоотношения со сверстниками и взрослыми, способы проведения свободного времени, отношение к труду, поведение и поступки.

Использование в диагностике методов беседы и психологического тестирования служат для определения асоциальных мотивов поведения, уровня социальной адаптации, жизненных ценностей и смыслов, которые имеют не последнее значение для жизни подростка. Конечно, вся работа не должна быть направлена только на ребенка, важную роль играют и родители, поэтому необходимо их включение, для этого подойдет беседа с ними и использование метода анкетирования. Анкета «Определение детей «группы риска» Н. В. Суриковой, которая имеет 33 вопроса, ответить на которые «да» или «нет» предлагается учителям или родителям.

Кроме того, необходимо использовать методики на выявление характера и особенностей личности подростка. Как отмечает А. Н. Капустина, для этого можно использовать «14-факторный опросник личности Р. Кеттелла», состоящий из 142 вопросов и который в адаптации предназначен для детей-подростков (Капустина, 2004). Особое значение имеют факторы, которые показывают возбудимость, конфликтность, эмоциональную стабильность, моральную нормативность, степень групповой зависимости.

По мнению М. И. Рожкова и М. А. Ковальчук, для выявления подростков, склонных к различным формам девиантного поведения, необходимо использовать методику «Первичная диагностика и выявление детей «группы риска». Методика состоит из 74 вопроса и 5 шкал: отношение в семье, агрессивность, недоверие людям, неуверенность в себе, последняя шкала расшифровывает акцентуацию характера. Стоит отметить, что авторы рассматривают нарушение внутрисемейных отношений как важный критерий исследования (Рожков, 2004).

О. В. Барканова представила методику «Шкала враждебности Кука-Медлей» (Авторы У. Кук, Д. Медлей, адаптация Л. Н. Собчик) для диагностики склонности к враждебному и агрессивному поведению. В этой методике 27 вопросов и 3 шкалы: цинизм, агрессивность, враждебность (Барканова, 2009).

Методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» А. Н. Орела, предназначена для измерения склонности подростков к различным формам девиантного поведения, включая агрессивное, саморазрушительное и самоповреждающее поведение, зависимость и преступность.

Данная методика состоит из 98 вопросов и 7 шкал (последняя, седьмая шкала, отвечает за искренность испытуемого):

1. Шкала установки на социальную желательность;
2. Шкала склонности на социальную желательность;
3. Шкала склонности к аддиктивному поведению;
4. Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению;
5. Шкала склонности к агрессии и насилию;
6. Шкала волевого контроля эмоциональных реакций.

Методика не акцентирует внимание на патологических формах девиантного поведения, которые, как правило, имеют прямое отношение к нервно-психическим расстройствам (Дмитриев и др., 2010).

Ещё одна методика для психологической диагностики девиантного поведения у несовершеннолетних, предложена группой авторов (Дмитриев и др., 2010), они выбрали опросник «Решение трудных ситуаций» для определения особенностей поведения в ситуациях, являющиеся затруднительными для ребят-подростков. В опроснике предложено 55 вопросов, в результате которых мы получим 11 шкал для расшифровки, которые приблизят нас к диагнозу подростка. Мы сможем понять каким образом несовершеннолетний уходит от проблемных ситуаций, какие способы для этого использует, не используется ли аутоагрессия. Автором самой методики является Я. Боукал, модифицировала ее О. Ю. Михайлова.

Методика «Шкала поиска ощущений Цукермана» предназначена для исследования уровня потребности в ощущениях различного рода у детей школьного возраста, предлагаемая Е. П. Ильиным, при высоком уровне диагностирующая наличия возможно неконтролируемого влечения к новым, «захватывающим» впечатлениям, что часто может привести субъекта к участию в рискованных приключениях и действиях (Ильин, 2004).

Мы перечислили методы и методики диагностики несовершеннолетних. Они направлены на определение личностных характеристик, акцентуации характера подростков, их поведения, моральной нормативности, склонности к насилию, агрессии, враждебности, отношения в семье и другие характеристики, которые участвуют в зарождении антисоциального поведения и как следствия преступности. Данные методики адаптированы для школьников от 14 до 17 лет.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Профилактическая работа с несовершеннолетними – это сложный, много-аспектный и длительный процесс. Вовремя замеченные отклонения в поведении подростков и правильно организованная психологическая помощь могут сыграть важную роль в предотвращении ситуаций, которые могут привести к правонарушениям и преступлениям.

Профилактика несовершеннолетних станет более продуктивной и эффективной, если в сотрудничестве будут работать специалисты, работающие в следующих организациях: правоохранительные органы, образовательные, медицинские, различные социальные и некоммерческие организации.

Сотрудники, исполняющие обязанности воспитания молодого поколения нередко совершают ошибки: чаще всего это формальный подход в работе, нацеленный на конкретный результат, к примеру, нравоучительная беседа, попытка вызвать чувство вины и стыда, что приводит к более пагубным ситуациям. К сожалению, мало кто использует психодиагностику для получения базы знаний о реальной ситуации в жизни несовершеннолетнего, которая привела его к такому исходу. Все это итог того, что они недостаточно ознакомлены с психологией детей, что приводит к низкому качеству исполнения своих обязанностей.

В список участников, работающих с детьми, мы решили добавить родителей, так как уверены, что они должны принимать участие в жизни своего ребенка и направлять также, как субъекты организаций. Не стоит забывать тот факт, что чаще всего, к сожалению, подростковая преступность исходит из семьи, в большей степени такие «семьи отличаются педагогической безграмотностью и родительской безответственностью» (Пивоваров и др., 2002). Как правило, в таком случае образовательные организации должны компенсировать школьным благополучием семейное неблагополучие.

А. В. Гайнуллина и О. Ф. Халитов выделили мероприятия, в которых заключается суть профилактической работы:

- правовое просвещение несовершеннолетних (просвещение детей в области знаний о законах в обществе, разъяснение правовых актов, с целью формирования убежденности в необходимости их соблюдения и предотвращения правонарушений и преступлений);
- диагностика несовершеннолетних, их исследование; определение их социометрического статуса в коллективе, наблюдение за их поведением в различных ситуациях (диагностика личностных характеристик, окружения ребенка, микросреды, в которой он растет и его поведения);
- психокоррекционная работа (консультации по исправлению неправомерного поведения, противоречащее правовым нормам; выведение подростков из под отрицательного влияния их окружения, группы и присвоение им социальных норм и культурных ценностей с формированием положительных интересов, например, больший уклон на учебную и внеучебную деятельность, привлечение к спортивным играм или развитие творческого потенциала; активное участие обучающихся в общественной деятельности; организация эффективного дня, досуга и отдыха; развитие личности и обучение навыкам общения);
- взаимодействие с семьей (диагностика положения несовершеннолетнего в семье, изучение внутрисемейных отношений, посещение его на дому, проведение бесед с родителями, подключение их в работе над ребенком, так как необходимо сотрудничество со всеми взрослыми, которые его окружают, коррекция нарушений отношений в семье при необходимости, повышение педагогической грамотности);

- обращение к медицинским специалистам, в случае необходимости (патологий, психозов, аномалий психики);
- обучение вышеперечисленных субъектов организаций навыкам поведенческого анализа для профилактики и коррекции антисоциального поведения несовершеннолетних (Гайнуллина и др., 2022).

Г. Г. Шиханцов выделил три комплекса мер для профилактики правонарушений несовершеннолетних:

- профилактика семейного неблагополучия;
- профилактика школьного неблагополучия;
- профилактика негативных влияний стихийных подростковых групп (Шиханцов, 1998).

В случае нарушения обязанностей в воспитании ребенка предусмотрена семейно-правовая ответственность родителей. Таким образом, защищаются интересы ребенка и интересы общества в целом. Мерами этой ответственности являются: лишение родительских прав, изъятие ребенка и передача его другим лицам или обеспечение его детским домом. Отличительная особенность этих мер в том, что семейно-правовая ответственность может наступить независимо от существования негативных последствий, законодатель должен предотвратить эти последствия, изолируя ребенка от негативного влияния родителей. Это касается криминогенных семей и не несущих ответственность за ребенка.

Еще одно частое явление безответственности со стороны родителей – записывание несовершеннолетнего ребенка в разные секции, кружки, внеучебные деятельности, в которых дети больше проводят времени, чем дома с папой и мамой, другими словами, перекладывание этой ответственности, заботы и попечения на других людей: тренеры, педагоги, аниматоры.

К безответственности относится самоустранение отцов. Следовательно, на детей-безотцовщин это имеет пагубное влияние. Особенно к этому подвержены мальчики. Они ищут эту любовь и внимание в криминальных группах, если там есть «вожак» или криминальный авторитет, получают негативное влияние среди взрослых и ребят постарше из компаний, чаще всего уличных.

Неполные семьи негативно влияют на ребенка, как сказано ранее, что более важно для рассмотрения – развод в семье, который произошел на глазах ребенка. Подросток может винить себя в этом, поэтому если развод произошел, немаловажно сделать все, чтобы сохранить нормальные отношения и дать ему свободно видеться с обоими родителями. К сожалению, преступность несовершеннолетних выходит из неполных семей, ввиду этого, следует сохранять браки, предугадывая отрицательные последствия разрыва семейных отношений.

Таким образом, в качестве профилактики направить силы на преодоление отчуждения, возникшего между родителями и детьми, установление между ними крепких эмоциональных взаимоотношений, воспитание родительской ответственности и педагогической культуры, создание нравственно-психологической атмосферы в семье.

Профилактика школьного неблагополучия имеет не менее важную роль. Учителя должны работать так, чтобы ребенок мог нормально социализироваться, необходимо обращать внимание на его адаптацию в коллективе, следить за поведением и знать психологию, обеспечивать демократизацию учебного процесса. Учитель выполняет

не только учебные функции, как обучить, каким способом, чему обучать, но и воспитательные.

Нередко стоит прибегнуть к индивидуальному подходу к каждому ученику, для восполнения его потребностей во внимании, принятии и уважения со стороны коллектива и самого учителя, а также доверие к нему, использовать метод поощрения в работе. Если все это не выполнять, то учитель и весь коллектив может столкнуться с явным негативизмом, конфликтностью, пренебрежительного отношения со стороны несовершеннолетнего. Если же выполнить эти условия, то в ребенке зародится потребность в самовоспитании.

Учитель является образцом для подражания, для учеников он авторитет, поэтому так важно иметь школьное благополучие, даже если его нет в семейном аспекте.

Профилактика негативных влияний стихийных подростковых групп должна максимально учитываться в нашей работе. Когда ребенок чувствует отчуждение от семьи, не социализирован в школе, является уже трудновоспитуемым, ему некуда примкнуться, кроме как уличных компаний и преступных группировок, так как именно там он найдет понимание и почувствует причастность к чему-то.

Профилактика таких групп является достаточно проблематичной, есть два выхода из этой ситуации:

1. Принудительно разобщить группы для предотвращения правонарушений и преступлений (этот метод применяется, если другие попытки были безуспешны, то есть, несовершеннолетних направляют в учреждения закрытого типа, либо они меняют место жительства или школы, а лидеров направляют в учреждения со строгим педагогическим режимом);
2. Создать все условия, чтобы группа поменяла ориентацию в позитивную сторону (наиболее распространенный метод воздействия воспитания на криминогенные подростковые группы).

Применение второго метода основано на идее А. С. Макаренко о двух видах педагогического воздействия на человека: индивидуальном воздействии и параллельном через коллектив (Макаренко, 1981). Здесь больше идет направление на какие-то внешкольные мероприятия, чтобы подростки, не руша дружеских отношений, имели, к примеру, спортивные интересы и вкладывали силы туда. Таким образом, идет положительное влияние, поведение и появление самоутверждения среди сверстников и взрослых.

Молодое поколение, еще не сформировавшее в себе основных ценностей и жизненных ориентиров, является легкой добычей. Несовершеннолетними легко манипулировать взрослым или подростками постарше, которые являются лидерами в криминогенных группах. Такие дети, не имеющие навыка самовоспитания, не задумываются о последствиях, поэтому, те, кто совершили преступления или другие правонарушения в юном возрасте, с высокой вероятностью станут в будущем преступниками на постоянной основе, поэтому ранняя профилактика правонарушений является важнейшей задачей всех, кто с ними связан, а это все субъекты организаций.

Обсуждение результатов

Актуальность и значимость темы исследования «психологические особенности преступности несовершеннолетних» определяется особенностями соматического, психического и нравственного развития подростков, которые являются социально незрелыми.

Преступность несовершеннолетних является частью преступности, но в то же время оно имеет преимущественно возрастные особенности и может быть рассмотрено как самостоятельный вид правонарушений. В связи с этим, по мнению В. Д. Малкова, необходимость такого выделения обусловлена в основном особенностями соматического, психического и нравственного развития несовершеннолетних и их социальной незрелостью (Малков, 2011).

Для раскрытия понятия преступность несовершеннолетних мы взяли за основу следующее определение: «Преступность несовершеннолетних – это совокупность преступлений и ответственность, за которые наступает до совершеннолетия лиц, а именно в возрасте от 14 до 17 лет». Выделили основные виды, признаки и типы преступлений несовершеннолетних. Также мы изучили данные криминологических исследований последних лет, где видно, что в подростковом возрасте происходит более глубокая деформация личности. Дети из асоциальных семей, лишенных средств к существованию, часто вовлекаются в нерегламентированные и криминальные сферы деятельности.

Мы рассмотрели и проанализировали психологические методы и методики и социально-психологические основы для профилактики правонарушений несовершеннолетних. Выделили условия для успешной диагностики. Были представлены сотрудничи организаций, которые выполняют свою работу, непосредственно в целях уменьшения преступной деятельности среди подростков. Подробно рассмотрели профилактические мероприятия и три комплекса мер для эффективной работы.

Литература

- Агафонов, Ю. А., Ильяшенко А. Н. (2007). *Факторы семейного неблагополучия в генезисе преступного поведения несовершеннолетних*. Краснодар: Издательство Краснодар, МВД России.
- Антонян, Ю. М. (2019). *Криминология: учебник для академического бакалавриата*. Москва: Издательство Юрайт.
- Арманова, Е. А. (2009). Групповая преступность несовершеннолетних. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 2-1, 85–91.
- Баймурзаева, Р. А. (2006). Причины и условия преступности несовершеннолетних (на примере Республики Дагестан). *Вопросы ювенальной юстиции*. <http://www.juvenjust.org/txt/index.php/t355.html>
- Барканова, О. В. (2009). *Методики диагностики эмоциональной сферы*. Красноярск: Литера-Принт.
- Бурлаков, В.Н. (2003). *Криминология: Учебник для вузов*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Гайнуллина, А. В., Халитов, О. Ф. (2022). Психологические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних. *Право: ретроспектива и перспектива*, 3 (11), 28–33.
- Дмитриев, М. Г., Белов, В. Г., Парфенов, Ю. А. (2010). *Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков*. Санкт-Петербург: ЗАО Пони.
- Игошев К. Е. (2005). *Опыт социально-психологического анализа личности несовершеннолетних правонарушителей*. СПб.: Знание.
- Ильин, Е. П. (2004). *Психология индивидуальных различий*. Санкт-Петербург: Питер.
- Капустина, А. Н. (2004). *Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла*. Санкт-Петербург: Речь.
- Кудрявцев, А. В. (1997). *Криминология: учебник*. Москва: Юристъ.
- Кузнецов, Н. Ф. (1984). *Проблемы криминологической детерминации*. Москва: МГУ.
- Кузнецова, Н. Ф. (1998). *Криминология: Учебник*. Москва: Издательство БЕК.

- Макаренко, А. С. (1981). *Педагогическая поэма*. Москва: Популярная литература.
- Малков, В. Д. (2008). *Криминология: Учебник для вузов*. Москва: Юстицинформ.
- Пивоваров, П. Г., Соловьев, В. Н. (2002). *Психологическая характеристика преступлений несовершеннолетних, их профилактика*. Учебное пособие. Домодедово: ВИПК МВД России.
- Рожков, М. И., Ковальчук, М. А. (2004). *Профилактика наркомании у подростков*. Москва: Владос.
- Рыжаков, С. С. (2009). Причины и условия преступности несовершеннолетних в фокусе психолого-криминологического интереса. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 1, 37–40.
- Шиханцов, Г. Г. (1998). *Юридическая психология. Учебник*. Москва: Издательство Зерцало.
- Эминов, В. Е. (2017). *Криминология: учебник*. Москва: Норма.

References

- Agafonov, Yu. A., Ilyashenko A. N. (2007). *Factors of family trouble in the genesis of criminal behavior of minors*. Krasnodar: Krasnodar Publishing House, Ministry of Internal Affairs of Russia.
- Antonyan, Y. M. (2019). *Criminology: textbook for academic undergraduate studies*. Moscow: Yurayt Publishing House.
- Armanova, E. A. (2009). Group delinquency of minors. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 2-1, 85–91.
- Baimurzaeva, R. A. (2006). Causes and conditions of juvenile delinquency (on the example of the Republic of Dagestan). *Issues of juvenile justice*. <http://www.juvenjust.org/txt/index.php/t355.html>
- Barkanova, O. V. (2009). *Methods for diagnosing the emotional sphere*. Krasnoyarsk: Litera-Print.
- Burlakov, V.N. (2003). *Criminology: A textbook for universities*. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Dmitriev, M. G., Belov, V. G., Parfenov, Yu. A. (2010). *Psychological and pedagogical diagnosis of delinquent behavior in difficult adolescents*. St. Petersburg: Poni.
- Eminov, V. E. (2017). *Criminology: textbook*. Moscow: Norma.
- Gainullina, A. V., Khalitov, O. F. (2022). Psychological aspects of the prevention of juvenile delinquency. *Law: Retrospective and Perspective*, 3(11), 28–33.
- Igoshev K. E. (2005). *Experience of socio-psychological analysis of the personality of juvenile delinquents*. SPb.: Knowledge.
- Ilyin, E. P. (2004). *Psychology of individual differences*. St. Petersburg: Piter.
- Kapustina, A. N. (2004). *R. Cattell's multifactorial personality technique*. St. Petersburg: Speech.
- Kudryavtsev, A. V. (1997). *Criminology: textbook*. Moscow: Jurist.
- Kuznetsov, N. F. (1984). *Problems of criminological determination*. Moscow: Moscow State University.
- Kuznetsova, N. F. (1998). *Criminology: Textbook*. Moscow: BEK Publishing House.
- Makarenko, A. S. (1981). *Pedagogical poem*. Moscow: Popular Literature.
- Malkov, V. D. (2008). *Criminology: Textbook for universities*. Moscow: Yustitsinform.
- Pivovarov, P. G., Soloviyov, V. N. (2002). *Psychological characteristics of juvenile crimes, their prevention*. Tutorial. Domodedovo: VIPK MIA of Russia.
- Rozhkov, M. I., Kovalchuk, M. A. (2004). *Prevention of drug addiction in adolescents*. Moscow: Vlados.
- Ryzhakov, S. S. (2009). Causes and conditions of juvenile delinquency in the focus of psychological and criminological interest. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 1, 37–40.
- Shikhantsov, G. G. (1998). *Legal psychology. Textbook*. Moscow: Zertsalo Publishing House.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Роль социальной активности студентов в рамках университетской жизни

Дарья В. Вашумирская¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: vash@sfedu.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается вопрос взаимосвязи социальной активности студентов с их успешностью в учебной деятельности. Важность рассмотрения этой темы заключается в том, что в психологической науке недостаточно изучено то, как социальная активность студентов влияет на успешность их учебы. Во введении автор рассматривает актуальность изучения социальной активности студентов в рамках университетской жизни. Изучение социальной активности в рамках университетской жизни имеет особое значение, так как она включает в себя совокупность отношений, характерных для вузовских учащихся, задействованных в образовательном процессе, также научной деятельности, внеучебных мероприятиях, самоуправлении и межличностном общении с другими студентами. Современные реалии, в которых совсем недавно общество начало справляться с последствиями пандемии коронавируса, вновь актуализировали вопрос о важности развития социальной активности. Многие студенты начинали свое обучение в карантинное время, а значит их социальная активность была снижена общественными ограничениями. Именно поэтому особенно важно обратить внимание на роль социальной активности студентов в их учебной деятельности, так как изучение данной темы позволит ответить на вопрос: «нужно ли мотивировать студентов на общение и активную социальную жизнь». Цель: изучить роль социальной активности студентов в рамках университетской жизни.

Теоретическое обоснование. Автор рассматривает понятие социальная активность и значение социальной активности в успешной социализации личности, также анализируются психологические особенности студенческой молодежи как социальной группы. **Результаты.** В данном разделе автор делает выводы о связи социальной активности с успешностью в учебе у студенческой молодежи. **Обсуждение результатов.** Автор приходит к выводу о том, что высокий уровень социальной активности положительно сказывается на студенческую жизнь молодых людей.

Ключевые слова

социальная активность, студенты, университетская жизнь, роль социальной активности, университетская молодежь

Для цитирования

Вашумирская Д. В. (2023). Роль социальной активности студентов в рамках университетской жизни. Северо-Кавказский психологический вестник, 21(2), 60–68. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.6>

The Role of Social Activity of Students in the Framework of University Life

Daria V. Vashumirskaya^{1*}

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* E-mail: vash@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The article deals with the issue of the relationship between the social activity of students and their success in educational activities. The importance of considering this topic lies in the fact that our psychological science has not sufficiently studied how the social activity of students affects the success of their studies. In the introduction, the author considers the relevance of studying the social activity of students in the framework of university life. The study of social activity within the framework of university life is of particular importance, since it includes a set of relationships characteristic of university students involved in the educational process, as well as scientific activities, extracurricular activities, self-government and interpersonal communication with other students. Modern realities, in which quite recently the society began to cope with the consequences of the coronavirus pandemic, and the teams began to move from the remote format to the face-to-face format, once again actualized the issue of the importance of developing social activity. Many students began their studies during quarantine, which means that their social activity was reduced by social restrictions. That is why it is especially important to pay attention to the role of students' social activity in their educational activities, since the study of this topic will allow answering the question: "is it necessary to motivate students to communicate and have an active social life?" Purpose: to study the role of social activity of students in the framework of university life. **Theoretical justification.** The author examines the concept of social activity and the importance of social activity in the successful socialization of the individual, also analyzes the psychological characteristics of student

youth as a social group. Results. in this section, the author draws conclusions about the relationship between social activity and academic success among students. **Discussion.** the author comes to the conclusion that a high level of social activity has a positive effect on the student life of young people.

Keywords

social activity, students, university life, the role of social activity, university youth

For citation

Vashumirskaya D. V. (2023). The Role of Social Activity of Students in the Framework of University Life. North-Caucasian Psychological Bulletin, 21(2), 60–68. (in Russ.). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.2.6>

Введение

Социальная активность является очень значимым жизненным свойством личности, которое позволяет ей развиваться, интегрироваться в общество, образовывать социальные связи. Особое значение социальная активность имеет в рамках университетской жизни, ведь учеба в университете включает в себя, помимо образовательного процесса, научную деятельность, внеучебные мероприятия, самоуправление и межличностное общение с другими студентами.

В современных реалиях, когда университеты только отказываются от формата дистанционного обучения полностью или частично, все сильнее видна разница между социально активными студентами и менее активными. Общительные и активные студенты выходят на первый план: придумывают различные офлайн или онлайн активности, создают беседы для общения, организуют встречи и т.д. Студенты, в меньшей степени проявляющие социальную активность, напротив, становятся все менее общительными. Отсюда возникают вопросы, ответы на которые помогут лучше узнать и понять студентов, а значит лучше организовать, усовершенствовать работу, как студенческого совета, так и педагогического состава. Так один из вопросов, который возникает при виде студентов, в меньшей степени проявляющих социальную активность, – это то, как социальная активность студентов влияет на их чувство приверженности к университету. Другой вопрос: как это влияет на учебу, ведь можно предположить, что студенты, которые не привязаны к коллективу, не общаются с одноклассниками и другими студентами на дружеском или товарищеском уровне испытывают трудности с учебой. В психологической науке недостаточно изучено то, как социальная активность студентов влияет на успешность их учебы. Можно предположить, что у студентов иногда нет мотивации идти на занятия, а встреча с друзьями и знакомыми часто становится этой мотивацией, так же друзья часто могут помочь с учебой, объяснить что-нибудь, дать необходимые материалы. Так же многие студенты связывают университетские годы именно с общением в неучебной деятельности, тепло вспоминая свой университет и других студентов. Отсюда возникает вопрос: «стоит ли мотивировать студентов на общение и активную социальную жизнь?»

Теоретическое обоснование

Временем детального и глубокого изучения проблемы формирования социальной

активности учащейся молодежи можно считать период конца XX – начало XXI вв. Тогда возникло множество подходов в изучении социальной активности, это было вызвано реформами в сфере образования и большими изменениями в обществе в целом (Бережная, Зыкова, 2012).

Проанализировав работы в данной теме, можно сделать вывод, что понятие «социальная активность» рассматривалась с двух подходов: деятельностного и личностного. Первые ученые, в их числе Е. М. Бабосов, Г. Е. Зборовский, Е. М. Токарев, С. С. Фролов понимали социальную активность как меру, степень, характеристику целенаправленной деятельности человека, связанную с преобразованием общественной среды и формированием социальных качеств личности. Представители личностного подхода, к ним относятся Е. А. Якуба и А. А. Кратко, считали, что социальная активность – это определенное системное качество личности, в котором выражается и реализуется уровень ее социальности, другими словами, глубина и полнота связей с социумом (Каргаполова, 2014).

Изучение социальной активности в педагогике имело особое значение, она рассматривалась, как важнейшая задача воспитания личности. Данную проблему активно изучали такие ученые, как Е. А. Ануфриев, Г. А. Караваев, А. Н. Ломов, Т. Н. Мальковская, В. А. Сластенин и др. (Бережная, Зыкова, 2012). Изучение социальную активность студентов можно увидеть в работах Н. Г. Гуламова, Е. С. Красинской, А. А. Шарова, Л. В. Майкова и др. Однако в ходе исследования нами данной темы не были обнаружены исследования, где бы рассматривалась взаимосвязь социальной активности студентов и их чувства принадлежности к университету, так же был мало изучен факт влияния социальной активности студентов на успешность их учебы. Понятие «социальная активность» является многогранным и емким, так как рассматривает в себе психологические, социологические и нравственные стороны личности.

Для того, чтобы дать определение социальной активности, нужно дать определение термину «активность». Впервые понятие «активность» ввел А. Ф. Лазурский, он опирался на учения В. М. Бехтерева, которые говорил о значимости социальной сферы (Тунгусова, 2016). Этот термин имеет разные значения, так с общепсихологической позиции, активность – многообразие способов, различных мер и форм взаимодействия, которые обеспечивают единство, развитие и взаимный переход идеального и материального. В психологии «активность» представляет собой множество форм взаимодействия, в ходе которого индивид существует и осуществляет развитие как субъект (Шаров, 2018).

В общем социально-психологическом смысле «социальная активность» понимается как составная часть поведения человека в обществе, которая обуславливается его личностными свойствами. В социальных науках термин «социальная активность» также означает свойство личности, которое позволяет преобразовывать социальную и природную среду для своего существования. В психологии же активность личности рассматривается не как способность преобразовывать то, что вокруг тебя, а напротив способность личности изменяться, приспосабливаться и быть устойчивым к внешним воздействиям и раздражителям (Шаров, 2018).

Изучив определения социальной активности с точки зрения различных научных отраслей, можно сделать вывод, что несмотря на различия в этих понятиях, прослеживается общая идея о том, что активность – это добровольная и сознательная деятельность человека.

Если говорить о социальной активности, как о показателе успешной социализации личности, то стоит определить, что в науке понимается под понятием

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

социализация. Человек с самого рождения, погружаясь в культуру, социальные нормы, обучаясь и взаимодействуя с социумом, проходит такой важный процесс, как социализация. Благодаря социализации человек становится полноценным членом общества, он овладевает социальными ценностями и нормами, приобщается к культуре, приобретает опыт и знания.

Социализация является комплексным процессом, который включает себя несколько этапов. Так в отечественной науке чаще всего обращаются к подходу Г. М. Андреевой, которая выделяет следующие этапы социализации: дотрудовой; трудовой; послетрудовой, связанный с выходом на пенсию. Если индивид успешно овладевает важными общественными навыками на каждом из этапов, то он успешно проходит этап социализации (Джигоева, Маргиева, 2010).

Социальная активность – это важнейший компонент социализации личности, необходимое условие его деятельности и развития, реализации его внутреннего ресурса. Социальная активность является новообразованием личности, которое интегрирует знания, опыт и отношения с окружающей средой (Реброва, 2017). Также подтверждением того, что социальная активность является критерием успешной социализации, является наличие у социально активной личности таких качеств как образованность, нравственная и социальная устойчивость, способность к логическому и критическому мышлению, гражданственная ответственность, патриотизм, мобильность и профессиональное самоопределение (Майкова, 2011).

Процесс социализации тесно связан с образовательной средой. Именно образовательные учреждения позволяют индивиду овладевать важными социальными навыками. Однако в педагогике социальная активность рассматривается с разных сторон, она может выступать: целью воспитания, результатом воспитательно процесса, как средство воспитания, как устойчивая черта или качество личности, как движущая сила в развитие человека (Бережная, Зыкова, 2012). Еще с давних времен развитие социальной активности, интереса и инициативы учащихся, их самостоятельности и способности работы в коллективе является важнейшей задачей образования.

Огромный вклад в изучение становления личности в процессе образования внес Джон Дьюи. Он в начале XX века предложил модель новой школы – «школы активности», «школы труда». Суть этой модели заключалась в том, что изучение предметов не являлось целью, а лишь выступало средством развития личности учащегося, возможностью пережить новый опыт в конкретной ситуации. В такой модели очень важна заинтересованность учащегося в познавательном процессе. Модель обучения, предложенная Дж. Дьюи, выдвигала целью подготовить учащегося к жизни в обществе, сформировать его как активного члена социума.

Таким образом, социальная активность тесно связана с обучением студентов и учащихся, с процессом социализации. Было выявлено, что совместно с развитием социальной активности у них развиваются такие жизненные аспекты как культурная осведомленность, социальная ответственность, успеваемость в учебе (Knight-McKenna, Felten, Darby, 2018). Несомненно, развитие социальной активности – это важная задача социальных институтов в процессе становления личности. Помимо развития жизненно важных качеств, широкий круг социальных ролей формирует устойчивую связь личности с обществом, позволяет развивающейся личности легко адаптироваться в новых условиях самостоятельной жизни.

Мы считаем, что важно рассматривать социальную активность именно молодых людей, потому что молодежь, как социальная группа, имеет ряд особенностей. Данная группа обладает особыми психологическими, физическими, личностными

особенностями. Молодежь также отличается особенностями общения и укладом жизни. Изучение социальной активности молодежи наиболее актуально, так как принято полагать, что социальная активность развивается прежде всего в процессе ведущей деятельности определенного возрастного периода (Харланова, 2011). Большая часть молодежи – это студенты, их ведущей деятельностью является учеба. Их общая социальная ситуация – это получение профессиональных знаний в процессе обучения в высших учебных заведениях. Это еще раз подтверждает важность изучения социальной активности студентов в рамках университетской жизни. При этом очень важно активно поддерживать процесс социализации студентов с начала 1 курса, способствовать адаптации студентов-первокурсников к группе и учебной деятельности (Вороная, Проненко, 2022).

Процессы становления личности, развитие социальных навыков, продвижение более к высокому уровню личности под влиянием социальных и педагогических факторов изучали Б. Г. Ананьев, В.Д. Шадриков, А. Н. Леонтьев, Н. М. Эгамбердиева и др. В их работах еще раз подчеркивалось, что период обучения в университете совпадает с периодом юности, когда наиболее активно идут процессы познания, в том числе социального. Происходит социальное становление за счет освоения новых навыков и знаний, расширения сферы деятельности и общения (Гуламова, 2021).

Студенческая молодежь имеет ряд психологических особенностей, которые важно понимать в процессе изучения этой группы в рамках социальной активности. Молодежь является основным связующим звеном, которое обеспечивает преемственность поколений в духовном и интеллектуальном развитии общества, молодые люди наследуют и развивают все важные социальные функции в обществе. Именно поэтому молодежь ярко направлена на завтрашний день, строят свой уклад часто опираясь на будущее, а не настоящее. Сравнивая разные группы молодежи со студенческой молодежью, заметно, что студенты наиболее нацелены на завтрашний день, на будущее (Машрапова, 2013). Из этого следует, что, рассматривая различные аспекты социальной активности студентов, нужно учитывать, что причиной ее проявления может быть желание обеспечить себя важными общественными связями, которые помогут в будущем, получить знания и навыки в процессе коммуникации, которые в дальнейшем станут опорой в профессиональной деятельности.

Б. Г. Ананьев указывал на то, что студенческий возраст относится к сензитивному периоду становления личности. Это означает, что студенты находятся на том этапе жизни человека, когда существуют наиболее благоприятные условия для развития и формирования у него определенных психологических свойств личности, моделей поведения. Сензитивный период является периодом наивысшей возможности для эффективного развития какой-либо стороны личности. В это время наблюдается рост и консолидация интеллектуальных, мыслительных ресурсов человека (Шевцова, Еремеев, 2021).

Помимо развития когнитивных функций, в юношеский период происходит важнейшая качественная трансформация – формирование ценностного отношения. В это время молодая личность открывает для себя свой собственный внутренний мир, научается углубляться в собственные переживания, распознавать их. К молодому человеку приходит осознание собственной уникальности, его личность претерпевает заметный рост умственной активности, что происходит благодаря формированию системы логических структур и формальных операций (Машрапова, 2013). Наконец, в этот период своей жизни человек осваивает систему основных социальных ролей, учится жить в системе ограниченной правовой ответственности, все это способствует его социальному развитию.

Обсуждение результатов

Проанализировав научную литературу по заданной теме, мы пришли к выводу, что социальная активность может рассматриваться как собственная способность изменяться, самовыражаться, приспосабливаться к внешним изменениям, а главное поддерживать связь с окружающим миром.

Для того, чтобы рассматривать социальную активность молодежи в рамках университетской жизни, важно понимать, что студенческая молодежь имеет ряд психологических особенностей. Одной из ярких особенностей молодого возраста является то, что большая часть их мыслей и действий направлено на их будущее, в этот период они озадачены постановкой целей и планов на жизнь, студенты наиболее нацелены на завтрашний день, на будущее (Машрапова, 2013). Укрепление важных социальных связей, активная социальная позиция также часто связана со стремлением приобрести значимые знакомства для благополучия в будущем. Об этом же говорила Н. Г. Гуламова, подчеркивая, что период обучения в университете совпадает с периодом юности, когда наиболее активно идут процессы познания, в том числе социального. Происходит социальное становление за счет освоения новых навыков и знаний, расширения сферы деятельности и общения (Гуламова, 2021).

Если рассматривать социальную активность в рамках университета, то видно, что социальная активность студентов, как правило, проявляется в трех основных сферах: в профессионально-трудовой подготовки, в общественной деятельности; в сфере досуга. В научной литературе, при изучении активности студентов больший упор делается на культурно-организаторской деятельности студентов, так как данное направление характеризуется тем, что в нем чаще всего заинтересована активная группа студентов, которая готова к командной работе, имеет организаторские и коммуникативные навыки. Так И. А. Яковлева утверждает, что социальная активность в целом влияет на образ жизни студента, его содержания и структурной направленности (Яковлева, 2011).

Уровень вовлеченности в образовательный и творческий процесс волнует не только студентов, но и педагогический и воспитательный состав университетов, так как участливость студентов повышает уровень личных и общеуниверситетских достижений. Социальная активность в целом влияет на образ жизни студента, его содержания и структурной направленности, поэтому университет стремиться мотивировать студентов на социальную активность, как в рамках учебной, так и творческой деятельности.

Заключение

Таким образом, социальная активность имеет высокую значимость в период обучения в университете. Развитие высокого уровня социальной активности студентов может положительно сказаться как на досуговой, так и на учебной деятельности студентов.

Литература

- Бережная, И. Ф. & Зыкова, А. О. (2012). Содержание категории "социальная активность" в психологии и педагогике. *Вестник Воронежского государственного технического университета*, 8(10–2), 171–177.
- Вороня В. Д., Проненко Е. А. (2022). Адаптация студентов-первокурсников высших учебных заведений: смысловые аспекты и связь с онтологической уверенностью.

Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология, 5(6), 52–66. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-6-52-66>

- Гуламова Н. Г. (2021). Развитие социальной активности у студентов. *Наука и образование сегодня*, 1, 72–73.
- Джигоева, О. Ф. & Маргиева, З. Г. (2010). Социальная активность как фактор социализации личности. *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*, 2, 120–125.
- Красинская, Е. С. (2018). К вопросу о социальной активности личности студента. *Аллея Науки*, 2(8), 712–717.
- Майкова, Л. В. (2011). О социальной активности современных студентов. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, 1–2(69), 102–107.
- Машрапова, Х. К. (2013). Теоретические основания социальной активности студенческой молодежи. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 7(123), 180–184.
- Прюс, Ф., Перевозкина, Ю. М. & Перевозкин, С. Б. (2021). Человек и вопросы его социализации в современном мире. *Развитие человека в современном мире*, 2, 7–21.
- Реброва Н. В. (2017). Социальная активность как фактор успешной социализации личности. В сборнике: *Инновационные процессы в современной науке*. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Под общей редакцией А. И. Востречева (с. 519–523).
- Тунгусова, А. А. (2016). Формирование социальной активности: сущность и структура понятия. *Новая наука: Современное состояние и пути развития*, 9, 71–74.
- Харланова, Е. М. (2011). Исследование социальной активности студентов. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 5(10), 173–178.
- Харланова, Е. М. (2011). Социальная активность студентов: сущность понятия. *Теория и практика общественного развития*, 4, 183–186.
- Шаров, А. А. (2018). Представление о социальной активности студентов вуза. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 7(4), 364–367.
- Шевцова, М. М. & Еремеев, Н. А. (2021). Исследование влияния личных и социальных проблем студентов на обучение. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 55, 233–246.
- Bazilenko, A., Barna, N. & Lytvynenko, O. (2020). Psychological factors of student's social activity. *Social welfare interdisciplinary approach*, 2(9), 56–66.
- Doğan, U. (2015). Student Engagement, Academic Self-efficacy, and Academic Motivation as Predictors of Academic Performance. *Anthropologist*, 20(3), 553–561.
- Knight-McKenna, M., Felten, P. & Darby, A. (2018). Student Engagement with Community. *New Directions for Teaching and Learning*, 154, 65–74.
- Manikandan, K. (2018). Student Engagement in relation to Academic stress and Self-Efficacy. *Guru Journal of Behavioral and Social Sciences*, 6(1), 775–784.
- Sriwiyanti S., Saefudin W. & Yusoff S. H. M. (2021). Self-efficacy and student engagement in online learning during pandemic. *Global Journal of Educational Research and Management*, 1(4), 232–244.

References

- Bazilenko, A., Barna, N. & Lytvynenko, O. (2020). Psychological factors of student's social activity. *Social welfare interdisciplinary approach*, 2(9), 56–66.
- Berezhnaya, I. F. & Zykova, A. O. (2012). The content of the category "social activity" in psychology and pedagogy. *Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 8(10–2), 171–177.
- Doğan, U. (2015). Student Engagement, Academic Self-efficacy, and Academic Motivation as Predictors of Academic Performance. *Anthropologist*, 20(3), 553–561.
- Dzhioeva, O. F. & Margieva, Z. G. (2010). Social activity as a factor of personality socialization. *Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 2, 120–125.

- Gulamova N. G. (2021). Development of social activity among students. *Science and Education Today*, 1, 72–73.
- Kharlanova, E. M. (2011). Research of social activity of students. *Historical and socio-educational thought*, 5(10), 173–178.
- Kharlanova, E. M. (2011). Social activity of students: the essence of the concept. *Theory and Practice of Social Development*, 4, 183–186.
- Knight-McKenna, M., Felten, P. & Darby, A. (2018). Student Engagement with Community. *New Directions for Teaching and Learning*, 154, 65–74.
- Krasinskaya, E. S. (2018). On the issue of social activity of the student's personality. *Alley of Science*, 2(8), 712–717.
- Manikandan, K. (2018). Student Engagement in relation to Academic stress and Self-Efficacy. *Guru Journal of Behavioral and Social Sciences*, 6(1), 775–784.
- Mashrapova, H. K. (2013). Theoretical foundations of the social activity of student youth. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 7(123), 180–184.
- Maykova, L. V. (2011). On the social activity of modern students. *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University*. I. Ya. Yakovleva, 1–2(69), 102–107.
- Pryus, F., Perevozkina, Y. M. & Perevozkin, S. B. (2021). Man and questions of his socialization in the modern world. *Human Development in the Modern World*, 2, 7–21.
- Rebrova N. V. (2017). Social activity as a factor in the successful socialization of the individual. In the collection: *Innovative processes in modern science*. Materials of the International (correspondence) scientific-practical conference. Under the general editorship of A. I. Vostretsov (pp. 519–523).
- Sharov, A. A. (2018). The concept of social activity of university students. *News of the Saratov University. New episode. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology*, 7(4), 364–367.
- Shevtsova, M. M. & Ereemeev, N. A. (2021). Study of the influence of personal and social problems of students on learning. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 55, 233–246.
- Sriwiyanti S., Saefudin W. & Yusoff S. H. M. (2021). Self-efficacy and student engagement in online learning during pandemic. *Global Journal of Educational Research and Management*, 1(4), 232–244.
- Tungusova, A. A. (2016). Formation of social activity: the essence and structure of the concept. *New Science: Current State and Ways of Development*, 9, 71–74.
- Voronaya V. D., Pronenko E. A. (2022). Adaptation of first-year students in higher education: meaning aspects and relation to ontological security. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 5(6), 52–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-6-52-66>

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.